

Стефан Флауерс

ГОЛУБАЯ
РУНА

Стефан Флауерс

ГОЛУБАЯ РУНА

ТАМБОВ • 2011

**Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.**

Флауерс С.

Голубая руна. — Тамбов, 2011. — 96 с.

Голубая руна — брошюра, собравшая несколько аналитических очерков об основах уклада германской души, поистине служит венцом всей четверке подобных «рунных сборников» автора: здесь кристалл всей возможной философии севера — трехчастный, противоречащий сам себе и с тем возвышающий себя над любой двойственностью; это больше, чем просто империя. Иссиня–черные бездны морей обнимают бледную дымку небесного свода, являя всё богатство красок волшебнейшего из цветов. Горящий звездной синевой взор тех, кто носит в душе драгоценнейшее сокровище, отыщет здесь то, в чем нуждался: осознание того, что нет ничего — только Воден и руны; ты и мир, служащий тебе зеркалом.

© Издательство «Ex Nord Lux DIGITAL»,
перевод с английского, обложка,
публикация электронной версии книги, 2011

© Издательство «Ex Nord Lux»,
издание книги на русском языке, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

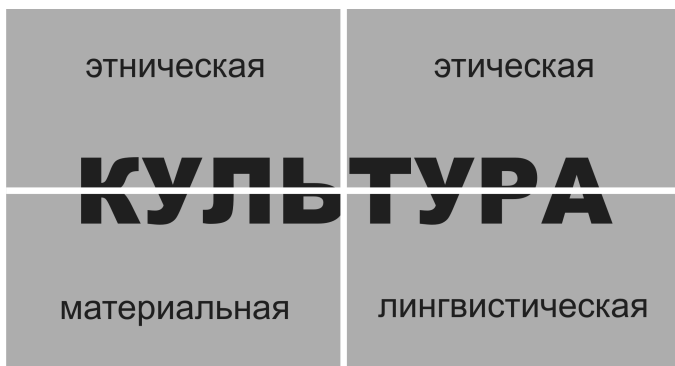
КАК БЫТЬ ЯЗЫЧНИКОМ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ	4
Можно ли вернуть к жизни отмершую культурную систему?	12
Пробуждение	14
АЛХИМИЯ ИГГДРАСИЛЯ	26
I. Делание Норда	26
II. Северная космогония	27
III. Принципы алхимии	29
IV. Алхимия углов	33
V. Заключение	35
ТРОПА ВОДЕНА. РУННЫЕ ТАИНСТВА СОКРЫТОГО БОГА СЕВЕРА	37
Живой бог	38
Архетип Водена	40
Древний культ Водена	44
Таинства Водена	46
Отвоевание Меда поэзии	49
ТАЙНА ГОТСКОГО БОГА ТЬМЫ	52
Бог готов	52
Загадка	57
ОБ АРХАИЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ ГЕРМАНЦЕВ	63
I. Контексты	63
II. Значения корней	71
III. Структуры	88
IV. Резюме	91

КАК БЫТЬ ЯЗЫЧНИКОМ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ

Нижеследующий документ возник из обращения к Языческому студенческому союзу Техасского университета в Остине от 22 ноября 1991 года. Я посвящаю его Эдвину Уэйду, священнику Одина, скончавшемуся в тот же день в 1989 году.

Я хочу рассказать о том, что *именно* следует делать тому, кто в современном мире решил быть язычником. И мой рассказ может оказаться полезным вдвойне: во-первых, в нём я представлю действующий образец рационально-интуитивного возрождения языческих религий (а лучше будет сказать «систем культурных ценностей»); во-вторых, моя речь может послужить своего рода руководством к действию для членов таких систем. Приняв во внимание наш неустанный труд по внедрению традиционных религий, я решил, что в настоящий момент будет очень полезно обсудить подходы к взаимодействию с ними.

Нужно отметить, что само понятие *культуры* часто оказывается недопустимо упрощенным (в особенности этим грешат американские авторы) по причине того, что термин этот не имеет надежного определения. По моему мнению, логично выделять в культуре четыре смысловых части, соединение которых позволяет достоверно воссоздать панораму определенного исторического сообщества, будь то древнего или современного:

Культура всегда имеет отношение к некоторому *взаимодействию* между людьми. Человек — культурный зверь: чтобы выжить, ему необходимо разумно и сознательно воспринимать огромные объемы сведений культуры. Способность производить культуру и воспринимать ее содержимое является одной из тех особенностей, что отделяют нас от «прочих животных» (можно сказать иначе: эта способность делает нас не животными, но чем-то иным).

Этническая культура — категория, описывающая только физическую реальность: воспроизведение плотской действительности человека (его физического тела) в половых отношениях. Этническую культуру можно назвать также расовой. Внимание к этому элементу и его свободное обсуждение является совершенно необходимым в любом цельном и беспристрастном понимании культуры. В современном мире мы можем наблюдать культуры почти совершенно однородные в этническом отношении (такие, например, как японская) — такая особенность вполне предсказуемо влияет и на другие проявления культуры. Японцы образуют подлинную *нацию* в изначальном смысле слова: от латинского *patio* — «я

рождаюсь». Диаметралью противоположную картину мы наблюдаем на примере Соединенных Штатов Америки, представляющих собой не нацию, но многонациональное *государство*.

Этическая культура — самый сложный элемент, охватывающий все остальные. Обычно именно его подразумевают, используя слово «культура». Сюда относится всё, что содержится в умах людей и рождается в них: любые суждения — от религиозных до политических доктрин, литературных традиций и экономических систем. Этическая культура — это коллективная идеология или духовный уклад общества.

И напротив, **материальная культура** включает в себя все физические предметы, созданные посредством *искусства* (то есть промысла, ремесла). Эти предметы являются искусственными проекциями содержимого ума (то есть этической культуры) на мир природной реальности. О некоторых исторических культурах мы можем судить *исключительно* по сохранившимся артефактам — обнаруженным археологами предметам материальной культуры. Например, таково наше знание о древних европейцах — доиндоевропейском населении западной части Евразии.

И наконец, **лингвистическая культура** — это сам язык, используемый в общении. Этот элемент наиболее тесно связан с этической культурой: о содержимом умов представителей культур древности мы можем судить только по оставленным ими записям. Материальная культура тоже приобретает здесь чрезвычайное значение, поскольку мысль древних народов доходит до нас в наибольшей сохранности только через осязаемые, предметные лингвистические свидетельства: свитки, папирусы, выгравированные надписи, книги и подобное. Таков их способ

прямо и ясно обращаться к нам сквозь века, и к таким посланиям мы должны обратить свое внимание, чтобы расслышать голос прошлого.

Очевидно, что большинство язычников заинтересованы в возрождении древних культур. Им по душе возвращаться в воображении к временам, когда система культурных координат была цельной, и можно было рассматривать, например, германскую культуру в целостности: как органическое сочетание германского народа, германской религии, германского искусства и германского языка. Сумей мы вернуть ощущение такого единства, оно вновь обернулось бы благоприятным влиянием для каждого индивида и всей культуры, исцеляя причиненное утратой целостности чувство потерянности и ненужности.

И это благородное стремление. Но исполнить его — доподлинно воссоздать культурную систему, сведя к минимуму влияние собственных субъективных представлений и пожеланий — совсем не просто. И я надеюсь, что настоящее сочинение поможет развитию необходимого метода.

Субъективизма в «неоязыческом движении» хоть отбавляй: его деятели «реконструируют старину» исходя из личных нужд и предрассудков. Неоязычество чаще оказывается не вероисповеданием, но скорее системой оправдания и обоснования субъективных пристрастий. Порой случается, что такая субъективность создает действенные и изящные системы суждений и действий (такой была, например, изначальная форма колдовства Гарднера). Но всё-таки опорой им служат только личные качества их создателей. Я же предлагаю упрочить объективное рациональное основание, из которого позже могут быть развиты надежные и более действенные системы.

Чуть менее двух тысяч лет назад упоминание о «языческой науке» или «языческой мысли» подразумевало их рациональную обоснованность — в противовес «боговдохновенности», иррациональности христианства. И как же всё изменилось в последующие годы! Я желаю вернуть язычеству качество рациональности, принадлежащее ему по праву рождения — так, чтобы язычники не рисовались бы воображению горсткой необразованных горемык, но напротив, сделались носителями мысли и благоразумной и вдохновенной.

Одним из величайших языческих мыслителей был грек Платон. Свою философскую систему он практически целиком развил из местной философской традиции, хотя ради престижа часто прибегал к вымыслам о более экзотическом происхождении собственных суждений. На самом деле, греческий идеализм, так же как и индийский, происходит от общего корня — индоевропейской идеологии. В нашем контексте идеализм означает предположение о существовании более реального, более долговечного и неизменного мира за пределами того мира, который мы воспринимаем органами чувств (и который на самом деле оказывается тенью или отражением реальности). Традиционалист называет этот предполагаемый мир миром богов и движущих ими законов. В представлении Платона и индийских философов Брахман и Упанишад, запредельный мир населен безличностными первопринципами, формами (по-гречески εἶδος, эйдос) или, если угодно, архетипами.

Если здешний мир действительно является отражением или тенью идеального мира, то узнав о законах и принципах появления подобных теней и отражений, мы сможем открыть истину о мире, скрывающемся за

гранью восприятия наших чувств. Обнаружить подобные истины можно применением рациональной интуиции, направленной на неуловимые чувствами объекты: начав с рациональных сведений, предоставляемых нам органами чувств и значительно углубив это знание, мы можем совершить интуитивный прыжок в мир за пределами рационального, воспользовавшись объективным знанием как трамплином. Главная проблема современной языческой мысли в изобилии прыжков при крайней ненадежности трамплина.

Платон выделял четыре уровня или типа знания:

Предположение или **догадка** (греческое *εἰκασία*, *эйкасиа*) вообще едва ли относится к знанию: в размышлениях не стоит оперировать догадками. Тем не менее, все мы поступаем так время от времени, а большинство людей не умеют мыслить иначе. Этот тип мышления основывается только на субъективных «свидетельствах», или того хуже — чужих субъективных свидетельствах. Плохо прописанные литературные персонажи отлично иллюстри-

руют такой тип людей, знакомых только с тенями действительных предметов.

Верование (греческое *πίστις*, пистис) — это убежденность в надежности сведений, полученных из авторитетных источников. В традиционном обществе такие источники очевидны: жрецы и жрицы национальных божеств, племенные старейшины и так далее. В нашем мире постмодерна надежные авторитеты уже нельзя выделить — если нет других вариантов, пусть источником верований послужит настоящее сочинение. Мыслящий верованием человек обладает знанием о некоторых действительных предметах, но в том, что касается предметов за пределами чувств, вынужден полагаться на определенные указания и обычаи. К этой сфере относится то, что мы привыкли называть «религией»: надлежащее исполнение ритуалов и соблюдение обычаев. Большая часть людей удовлетворяется именно этим уровнем знания. В здоровом обществе этот уровень также является достаточным для большинства. За его пределами расстилается царство духовных тягот и мучений.

Верование отделено от логики узким перешейком. В век модерна давление на эту преграду было весьма ощутимым. **Логика** или **рациональная мысль** (греческое *διανοία*, дианойа) — это тот тип знания, который сегодня мы называем научным. Он основан главным образом на сведениях, выраженных математически. Век модерна научил нас тому, что зная относящиеся к некоторому предмету числовые величины, мы получаем возможность управлять этим предметом и изменять его. Он подчинен нам, потому что измерен, и его свойства количественно выражены. К логическому знанию относятся все искусства и науки, преподаваемые и изучаемые в нынешних уни-

верситетах. Университеты — это храмы дианойи, то есть логического мышления. В настоящее время достоверное знание заканчивается на этой ступени — за ее пределами лежит только тарабарщина и шизотерика. Однако в языческую эпоху было иначе.

Высший тип знания согласно Платону — это **рациональная интуиция** (греческое νοεσις, ноэзис). Всё же, мгновенно перейти к ноэзису от уровня пис-тис невозможно — вначале необходима практика дианойи. Усердное обучение в какой-либо области рациональных наук является необходимой тренировкой, приучающей ум к выработке надежных суждений — и это позволяет добиваться максимальной достоверности в исследовании предметов «более духовных». Сегодня у нас не осталось школ, обучающих этому типу знания. Все ныне существующие европейские подходы — недавние. Так что авторитет у нас заслуживается только качеством и действенностью, а не возрастом или легитимностью традиции.

Итак, пусть описанная иерархия знаний и общее замечание о языческих корнях познания послужат контекстом основным положениям моего выступления. Я желаю привлечь внимание к тому, что «воссоздание» целостных культурных систем должно основываться на объективных критериях и сведениях — и кроме того, должно в равной степени полагаться на настоящее действие, не замыкаясь в уютных границах красочного теоретизирования. Знание обретает реальность, когда теория воплощается в жизнь, а важнейшие из уроков мы можем усвоить только в действии, на собственном опыте.

Как же могла сложиться нынешняя картина знания: мы сумели высадить человека на Луну, собрать бомбу, способную уничтожить мир (что сдела-

ло нас поистине богами планеты) — и при этом нам фактически нечего добавить к знанию старого доброго Платона о глубочайших проблемах человечества: о любви, истине, справедливости? Очевидный «прогресс» в технологической сфере стал возможен потому, что мы нашли способ легко передавать систему верований этого конкретного типа знания (техническое знание) от одного человека к другому, от поколения к поколению. И отдельному человеку в каждом новом поколении не приходится заново изобретать колесо. Но когда речь заходит о других предметах, знание о которых не может быть передано авторитетным источником, всякому отдельному человеку действительно приходится изобретать собственное колесо. Но не всякое колесо сгодится — оно должно быть *правильным*. И тут мы подходим к самой сути идеи *посвящения*: метод античных философов состоит в том, что ученика можно только подвести к тому источнику, от которого он непосредственно получит знание. Учитель не может поделиться знанием, но может создать условия для того, чтобы знание само устремилось в сознание ученика.

Можно ли вернуть к жизни отмершую культурную систему?

Прежде чем выступить в поход, нужно с наибольшей возможной точностью определить его цель. Если основной вопрос будет сформулирован так: «можно ли вернуть к жизни действительно отмершую культурную систему — такую например, как древнеегипетская, шумерская или культура долины Инда?» — то, на мой взгляд, честным ответом может быть только отрицательный. Разумеется, челове-

ская склонность к творчеству способна создать или воссоздать некое искусственное подобие такой культурной системы и при должном усердии даже вдохнуть в нее жизнь. Но это не вернет к жизни саму культуру: прежде всего потому, что цепочки наследования этнической, этической и лингвистической культуры были прерваны — а это непоправимо.

Но если вопрос будет несколько иным: «можно ли пробудить дремлющую культурную систему?» — то на него с большей уверенностью можно ответить утвердительно. Если при разрушении целостной культурной системы все четыре ее элемента сохранили некоторый уровень преемственности между прошлым и настоящим, она должна быть определена не как отмершая, но всего лишь неактивная, дремлющая. Германская культура находится ныне именно в таком положении: мы по-прежнему образуем узнаваемую этническую единицу, мы придерживаемся многих старых этических традиций (самых разнообразных обычаев: от Английского права до «рождественской» ели), германские абстрактные идеи по-прежнему питают наше искусство, и, разумеется, мы используем в общении язык, напрямую произошедший от языка наших доисторических предков. Таким образом, ни один элемент германской культуры не может считаться мертвым — все они лишь дремлют под плотным одеялом христианских и ближневосточных наслоений. Точно также можно охарактеризовать состояние кельтской, италийской, древнегреческой, славянской и многих других традиций.

То, что я представляю в последующих разделах — описанный мною в двух десятках книг и прошедший испытание практикой метод пробуждения германской традиции в целом, и дремлющих обычаев и

верований в движении Асатру в частности. Вообще, эта методология незаменима для исследователя любых подобных культурных систем.

Пробуждение

Процесс пробуждения проходит в три фазы. Эти фазы не переходят друг в друга последовательно: нам не нужно начать и полностью выполнить первую фазу, чтобы перейти ко второй и так далее. На самом деле, посвятив себя труду пробуждения скрытой внутренней реальности, мы на протяжении жизни действуем одновременно во всех трех. Однако при этом нужно указать на мудрость постоянной самодисциплины: на ранних этапах деятельности разумно большие силы посвящать первой фазе. Со временем баланс изменится: выполнение объективных задач станет занимать меньшее время, так что воплощение изученного станет основным полем деятельности. Именно на этом уровне возникает подлинное понимание.

- Первая фаза — объективный анализ: научный подход в изучении материалов традиции.

- Вторая фаза — субъективный синтез: собранные и проанализированные в первой фазе сведения сплавляются с субъективным видением исследователя, его душой. Ум и добытые знания становятся едины.

- Третья фаза — воплощение: достигший зрелости результат двух предыдущих фаз привносится в объективную вселенную

Фаза первая: объективный анализ

Чтобы начать процесс пробуждения, мы должны ответить на главнейший вопрос: «С чем объективно мы имеем дело?» — и в первой фазе мы неустанно должны напоминать себе о необходимости строго придерживаться объективных сведений. Если кто-то описывает озарение, открывшее ему истинную природу германской, кельтской, египетской или любой другой системы — такие сведения могут быть чем угодно, но они однозначно необъективны. Приняв подобные материалы в качестве достоверных, мы только признаем авторитет «воспринявшей и передавшей» их личности, и традиции будут вытеснены «откровениями».

Какие же сведения могут поведать нам о традиции объективно? Главным образом, это источники *письменные*, причины чего мы уже обсуждали. Значит ли это, что всё когда-либо написанное в рамках определенной культуры, или написанное о ней, должно без разбора идти в дело? Разумеется, нет. Разборчивость тут имеет величайшее значение. Все доступные источники нужно расположить в следующем порядке (по убыванию важности):

1. Собственные внутрикультурные тексты, относящиеся к рассматриваемой эпохе
2. Тексты современников, не относящиеся к рассматриваемой культуре
3. Археологические свидетельства
4. Внутрикультурные «записи», дошедшие до наших времен (то есть фольклор)
5. Вторичные тексты: а) автохтонные, б) сравнительные

Внутрикультурные современные тексты — например, Эдды и рунные надписи — способны предоставить нам своего рода прямой доступ к умам языческих германских народов. Сторонние современные тексты — это, например, сочинения римских и греческих историков и этнографов, описывающие коренных жителей севера. Хотя их взгляды могут быть искажены в силу разных причин (которые надлежит исследовать), всё же они располагали лучшим доступом к непосредственным источникам сведений, нежели мы сегодня — а потому их мнение остается чрезвычайно значимым. Список таких сочинений можно найти в книге Джеймса Чисхольма «Роща и виселица»¹.

Археологические свидетельства безмолвны: не будучи описаны в современных им текстах они не могут передать нам никакой словесной информации. Что же выходит, если в какой-либо местности обнаруживается статуэтка неизвестного доселе божества, которую при помощи имеющихся текстов нельзя соотнести ни с одним персонажем тамошней мифологии? Нам останется только размышлять и фантазировать над *образом*, а это порой только уводит нас от правды. Но если артефакт «пояснен» текстовыми источниками, мы делаемся почти очевидцами духовной жизни народа, изготовившего его.

Я еще раз отмечу, что объективное знание об ушедшей культуре мы получаем только благодаря объективным свидетельствам (записям и археологическим находкам), а любое толкование таких свидетельств должно опираться на суждения, подтверждаемые другими объективными свидетельствами. В противном случае мы окажемся в плену предрассуд-

¹ James Chisholm, «Grove and Gallows» (Rûna–Raven, 2001).

ков эпохи модерна — отличной иллюстрацией к таким заблуждениям служат все (за единственным исключением) изданные до 1980 года книги о рунах. Из всех авторов только я исходил из современной научной рунологии и действительной традиции, хорошо известной по рунным камням и рунным поэмам. Прочие сочинители пренебрегали традиционным знанием (точнее, просто им не владели), доступным из любого толкового справочника — раз уж им недосуг было посетить исторические места и увидеть рунные камни собственными глазами. Книги сочинялись на основании диких предположений, предрассудков и сплошь выдавали желаемое за действительное.

Какую рунную систему «выбрать»? Начиная собственные эзотерические штудии, с этой проблемой столкнулся и я. Но мне хватило ума быстро осознать следующее: любые идеи должны восходить к некоторому историческому объективному свидетельству — какой-нибудь рунной надписи, стиху из Эдды или рунной поэмы, отрывку саги и, может быть, свидетельству сравнительных исследований. Всё прочее будет уже толкованием; а толкование в моем представлении должно включать в себя всю традицию *целиком*, а не только некоторым образом избранные части.

Фольклор предоставляет несколько иной тип первичных свидетельств — это обычаи, предания и разнообразнейшие традиционные суждения, переданные из поколения в поколение с древних времен. Примерами фольклорных свидетельств могут послужить собранные братьями Гримм народные предания или разнообразные обычаи, зафиксированные фольклористами в Северной Европе. Почти наверняка большая часть подобных свидетельств восходит к временам дохристианским, языческим. Проблема

только в том, что мы не можем уверенно отличить истоки от позднейших нововведений и заимствований христианской эры. А потому фольклорные свидетельства должны рассматриваться как неприоритетные по отношению к более надежному архаическому материалу: фольклор может помочь нам восполнить некоторые пробелы, но на нём одном мы не сумеем построить объективную систему. Кроме того, фольклорные свидетельства не могут оспаривать свидетельства более архаических источников.

Наконец, мы должны изучить вторичные источники: научную литературу, посвященную рассматриваемым традициям. Огромный объем научных трудов по древнегерманской религии нельзя просто проигнорировать — он слишком полезен для размышлений. Язычник должен ознакомиться с этой литературой как с попыткой современных исследователей рационально (согласно определенным интеллектуальным правилам, которыми управляется их наука) осмыслить имеющиеся первичные свидетельства. «Вдохновение», столь необходимое практикующему язычнику, для ученого-исследователя представляет гораздо меньшую ценность. Но часто бывает так, что вдохновение рождается из чтения ограниченных выкладок сухой науки. Прибегая к помощи научной литературы, следует стараться отыскать новейшие труды: если научный подход соблюдается как должно, более старые работы найдут отражение в новой, превосходящей их в точности и исчерпывающей глубине. Нужно иметь в виду, что идеологические влияния современности (например, «политическая корректность» или «феминизм») порой диктуют свои условия научной стороне вопроса, так что необходимо научиться распознавать подобные интеллектуальные течения и из-

бегать их. В целом, вторичный материал можно разделить на две группы: попытки изучить отдельную традицию в ее собственных рамках и попытки сравнить разные системы с целью освещения той из них, о которой известно меньше. Разумеется, последний метод должен учитывать возможную родственность систем (мы можем сравнивать только то, что по сути подобно) — и именно здесь особую ценность имеют работы Жоржа Дюмезиля.

Ознакомившись с типами доступных источников, определимся теперь с конкретными вопросами, ответы на которые будем искать при помощи полученных сведений.

Понять сущность как отдельных личностей, так и определенных групп мы можем только усвоив их представления о мире, о них самих, о любых присущих им богах и богинях, и разобравшись с их практиками действия в различных средах и взаимодействиях с ними — то есть, мы должны установить, какие ритуалы и духовные технологии применяются изучаемой личностью или коллективом.

Нам нужно познать традиционную космологию народа, который мы взялись изучать: мы должны выяснить его взгляды на *устройство мироздания*. Не менее важны и представления о космогонии — *происхождении мира*. Поняв, как данный народ воспринимает вселенную, мы значительно продвинемся в понимании важнейших свойств его души.

И сама душа тоже должна быть внимательно изучена. Стало быть, мы должны постараться воссоздать и традиционную *психологию* рассматриваемой группы — определить ее мнение о сущности человеческого существа и способ соотнесения отдельного человека с целым: обществом и миром. Это, в

свою очередь, позволит нам понять *социологию*, общественный уклад в изучаемом коллективе.

Боги и богини народа обычно составляют отдельную категорию: в рамках данной группы они служат *образцами* человеческого поведения и духовных стремлений. Прояснив характерные качества отдельных богоформ и особенности отношений между различными богоформами внутри системы, мы получим глубокую и многослойную карту идей, движущих изучаемым народом.

Для процесса пробуждения существенным будет и понимание «духовных технологий», используемых народом для общения и взаимодействия со своими богами или непосредственно с миром. Обычно народы имеют набор ритуалов и обрядов, позволяющих действовать в этой сфере, и обычно именно на подобных обрядах сосредотачивают усилия энтузиасты, желающие возродить традиционные культуры. Как правило, главной проблемой становится то, что эти ритуалы либо вовсе утеряны, либо сохранились лишь в самых общих очертаниях. Потому в первой фазе нашей главной заботой будет достоверное восстановление этих очертаний. Единственным способом нащупать сердцевину таких обрядов и вновь вдохнуть в нее полнокровную жизнь является постижение души народа: вначале посредством *изучения* космологии, психологии, социологии и теологии, а после через регулярное физическое *воспроизведение* ритуальных действий. Когда язычник сегодня, почитая богов или проводя другую духовную или магическую практику, совершает те же движения, жесты, произносит те же звуки, что и его пращур — его действия вступают в действительный *резонанс* с подобными же действиями прошлого. Чем чаще совершаются такие действия,

тем более усиливается резонанс — именно поэтому Асатру настаивает на том, что трот определяется *действием*, а не верой. Из действия вырастает вера в результаты действия.

Есть два других пути постижения души пращуров, не менее важных и теоретически весьма схожих с переоткрытием их духовных практик — это изучение их архаичных языков, например древнескандинавского (исландского) или староанглийского и овладение их ремесленными методами: способами создания предметов в физической вселенной, например, обработкой металла, столярством или вязанием. Вначале эти занятия могут показаться сугубо техническими, но со временем, когда действия в настоящем срезонируют с действиями прошлого, в душе сегодняшнего язычника зародится и начнет расти особого рода гармония — ощущение прямой связи между столетиями.

Фаза вторая: субъективный синтез

Когда во всех сферах первой фазы будут достигнуты должные успехи, накопленные за время обучения сведения нужно начать периодически тщательно проверять по трехчастной модели: каждый фрагмент обретенных знаний необходимо рассмотреть в свете его значимости для вас (личности исследователя), для традиции (в том виде, в каком вы ее понимаете в данный момент) и для окружения (общественного и природного). Отношение к традиции позволяет изучить предмет во времени (диахронически), а отношение к окружению выявляет его роль здесь и сейчас (синхронически). В целом, вторая фаза состоит в том, что индивид осмысляет традицию

— в результате чего ее положения обретают личную значимость.

Рассмотрим конкретный пример.

Традиционный факт: «Космос состоит из девяти миров». Вопросы к нему: «Какое значение это имеет лично для меня?». «Насколько важен этот факт в традиции?». «Что это значит для окружающего меня мира?».

Нужно сказать, что *конкретные ответы*, которые вы сумеете дать, поначалу, наверное, не так уж важны — но имеет значение сам факт того, что вы поставили себе вопросы, приведя в движение механизм обнаружения знаний. Придет время, и ответы найдутся — и не потому, что вы отыщете их в книгах Эдреда Торссона или Жоржа Дюмезиля — к ответам вас приведет *собственный опыт*, вы самолично переживете их.

Но часто заходят в тупик даже самые упрямые попытки исследовать вопрос (и объективно и субъективно). Самые сложные проблемы не находят окончательного разрешения. Встретившись с подобными непролазными дебрями, можно пустить в ход трехчастное вопрошение. Поставьте три вопроса:

- Соответствует ли это фактам? (согласуется ли со сведениями, добытыми в первой фазе)
- Эстетично ли это? (приятно ли чувствам)
- Полезно ли это? (удовлетворяет ли основную текущую потребность)

Чтобы понять принцип работы такого вопрошения, рассмотрим конкретный пример: некий дядюшка Эйнар, до сих пор хранящий скверные воспоминания о своем христианском воспитании, отказывается ставить в прихожей «древо Йоля», считая

его «христианскими штучками». Вы хотите разобраться по совести, так что применяете трехчастное вопрошение: подтверждается ли фактами языческое происхождение древа? — да, оно подтверждено множеством источников, и многие христианские конфессии, зная об этом, призывают своих последователей не ставить «рождественские елки». Но дядюшка Эйнар упорствует: «Но ведь, мы *не должны* это делать просто потому, что так же делали язычники, верно?». Да, дядя, это так — но тот факт, что целая культура считала древо необходимым и существенным элементом Йольских празднеств (вопреки стараниям ранних христиан искоренить его), показывает, что древо приятно чувствам народа, народная любовь свидетельствует о его ценности, как символа. Вид древа направляет наше внимание к идее бессмертия народа, сохраняющего собственный узнаваемый органический облик. Подарки детям и предкам соответствуют вниманию к корням и молодым побегам древа. И здесь мы приходим к предпочтительности *живых*, растущих Йольских древ. Древние крипто-язычники отсекали корни, когда им пришлось укрывать Йольские древа в помещениях, чтобы тайно проводить ритуалы почитания, ранее открыто исполнявшиеся в лесу, в кругу общины. Давайте же возродим корни Йольского древа!

Так что, скорее всего, проблемы дядюшки Эйнара с Йольским деревом носят исключительно личный характер. Конечно, он может и дальше пренебрегать необходимостью следовать традиции, но можно считать доказанным, что Йольское древо отвечает всем трем требованиям, а обычай достоин того, чтобы быть продолженным, закрепленным и развитым.

Фаза третья: воспроизведение

Когда вторая фаза определит набор устоявшихся практик, верований и подобного, появится и возрастающая личная ответственность за подтверждение достигнутого через физическое воплощение. Только после воспроизведения в физическом мире может быть оценена жизнеспособность построенной вами модели — то, что хорошо смотрелось на бумаге или неплохо звучало в голове, может на практике оказаться совершенно бесполезным. Только практика может выявить все достоинства и недостатки. Хотя третья фаза и служит завершением всему процессу, она в то же время и возобновляет его, подняв на новый уровень.

Фаза воспроизведения проходит в два основных этапа. Первый подразумевает индивидуальное воспроизведение: начните самостоятельно воплощать созданные во второй фазе образцы — и внутренне и внешне. Внутреннее действие так же важно, как и внешнее: оно равнозначно вере или убеждению, глубоко обоснованной и прочувствованной уверенности в истинности какого-то положения — а это могучее свершение. Самые сильные, долговременные внешние действия рождаются эмоциональным двигателем души, который мы постигаем как веру или убеждение, древнескандинавский язык обозначает его термином *trú* — это то, что приводит деятеля в движение. Внешние действия могут быть самыми разнообразными: от обучения традиционным ремеслам с духовным намерением до воспроизведения древнегерманских религиозных ритуалов и резания рун. Опять же, наиболее существенным является *действие*, причем действие с полным осознанием его значения. Сила резонанса, образуемого

личным поступком и теми изначальными парадигмами, на которых поступок основан, определяется верностью и точностью воспроизведения.

Разумеется, используя описанный метод, вы можете создать религию для себя самого. Но язычество, в сущности — народная религия и требует жизни в сообществе. Индивидуальное развитие не теряет важности, но нужно понимать, что в изоляции от общества оно не может обрести постоянства, а значит, не достигает возможных вершин святости. Таким образом, следующим этапом воспроизведения становится групповое действие. До тех пор, пока вы не умеете сделать собственную правду верной и для группы людей, весь ваш успех ограничивается способностью создавать крайне индивидуализированные системы. Именно поэтому для описываемого метода воссоздания традиционных систем необходимы организованные собрания: когда система признана справедливой и снискала уважение целой народной группы — тогда можно признать, что она обрела (или вернула себе) надличностную истинность. Это конечная цель всех пробужденных языческих систем. По достижении и закреплении группового уровня воссоздания мы убеждаемся, что система представляет собой не мудрое изобретение одиночки, но скорее подлинное пробуждение, вернувшее душам то, что звучало лишь забытым эхом.

АЛХИМИЯ ИГГДРАСИЛЯ

I. Делание Норда

Традиция севера хорошо знакома с алхимическими принципами: ее космология, космогония и эсхатология выражены в формулах, которые узнает любой алхимик, наученный задавать нужные вопросы. Скрупулезное исследование таинств сотворения, развития и преобразования укладывается в схему девятиеричности (как и вообще многие из фрагментов скрытого наследия). Девятиеричный символ, и его *существенные* вариации, известен в традиционных штудиях севера под именем «Валькнут» — узел избранных, или убитых; братья—парсы его называют «Накш», а последователи Гурджиева «эннеграммой».

Как технология преобразований, алхимия не ограничена каким—либо царством сущностей: с ее помощью могут быть преобразованы минеральные, растительные, животные и духовные «вещества». Эта технология не имеет единой формулы — даже классическая западная алхимия эпох Средневековья и Возрождения использовала различные варианты формул. Подставив в некоторую алхимическую формулу чуждые ей переменные, мы не получим никаких ценных практических результатов. Но обособленные своды знаний, такие, как космогонический процесс древнего Севера, могут научить нас новым формулам — если мы подступимся к ним с верной стороны, ведомые вдохновением.

В практическом смысле изложенное далее представляет собой формулу генерации (порожде-

ния) любого желаемого предмета: будь то вещь, ситуация или состояние бытия.

II. Северная космогония

Древнегерманская космогония наиболее ясно и последовательно обрисована в Эдде, записанной исландцем по имени Снорри Стурлусон около 1222 года нашей эры. Хотя Снорри и может показаться добрым христианином, нельзя не отметить, что сохранение наследия северных предков представляло для него намного больший интерес, нежели любое церковное или даже античное учение.

Эдда сообщает нам, что вначале не было ничего, только Гиннунгагап — пустота, обладавшая магическим зарядом. Такое толкование Гиннунгагап было предложено выдающимся германским филологом Жаком де Ври в 1930 году, в статье для пятого тома «Acta Philologica Scandinavica». На южной окраине этой пустоты вспыхнул *огонь* (Муспельхайм), а на северной окраине поднялась *вода* (Нифльхайм) — и эти полярные противоположности взаимно притягивались. Когда огонь и вода сблизились, проявился *воздух* (пространство) — и через него искры полетели в Нифльхайм. Приближаясь к экватору, воды Нифльхайма затвердевали (расширяясь) и образовали *лед*, который содержал твердые *соли* и вытеснял из своей сущности *яд*, поджигаемый искрами *железа*. Эти искры активировали *закваску* (живое вещество) в растопленном льду (заметим, что лед содержит три вещества: твердую соль, жидкую закваску и газообразный яд).

Когда эти элементы сошлись в умеренном климате в середине Гиннунгагап, из сочащегося льда возникли двое существ: вначале Имир (прото-

человекообразная форма) и за ним Аудумбла (космическая корова). Имир кормится молоком из вымени Аудумблы, а она кормится тем, что лижет соленый лед. Из льда Аудумбла вылизывает, как изваяние, вторую человекообразную фигуру, Бури. Бури воспроизводит себя бесполом путем — так появляется Борр.

Тем временем Имир производит другие человекообразные сущности: подмышкой его левой руки вырастает пара человекообразных, а его левая стопа вместе с правой стопой порождают целую расу инеистых великанов (называемых в древнескандинавском *hrímþursar*, grimтурсы).

Дочь инеистого великана Бёльторна по имени Бестла сочетается с Борром. У Борра и Бестлы рождаются трое сыновей: Один–Вили–Ве. На самом деле, это триединая сущность, ставшая первым представителем расы асов.

Один–Вили–Ве восстали и убили родителя своей матери, Имира, а из его частей соорудили космический порядок, установив землю в центр и рационально организовав другие элементы: были назначены места звездам, солнцу и луне, и так далее.

После асы создают гномов, чтобы те завершили работу физического творения (об этом ясно сказано только в Старшей Эдде).

Далее Один претерпевает Иггдрасильское мучение: он вешается на Мировом древе, чтобы обрести знание рун. Постигнув самое сокровенное из таинств, он возвращается, чтобы использовать обретенные знания.

Вначале он сооружает Асгард — убежище богов, асов. Затем (снова в триединой форме) отправляется в рискованное путешествие и обнаруживает человеческих существ в их естественных телах: в тексте они символически названы «деревьями» — их

зовут Аскр (ясень) и Эмбла (возможно, вяз). Люди наделяются тройственным даром: сознанием, дыханием жизни и эстетической формой.

Полное изложение космогонического процесса доступно из Младшей Эдды и других германских мифологических текстов, а этот короткий и несколько упрощенный отчет послужит основой дальнейшему обсуждению. Изучение всех деталей произведенного космогонического процесса расширяет, но, в сущности, не изменяет формулу, известную и алхимии.

Понятно, что во всём процессе триединая сущность под именем Один («повелитель вдохновенного сознания») является первой осознанно творящей. Один — плод совмещения полярных крайностей огня/воздуха и воды/льда, а потому обладает всем потенциалом, присущим изначальному магическому заряду Гиннунгагап. Один начинает действовать, став «первым алхимиком»: вещество—основу (Имира) он подвергает анализу, растворению — разделяет его на составляющие и заново собирает их, согласно собственной субъективной (полусознательной) воле.

Значение трех имен Один–Вили–Ве открывает тайну: Один — «повелитель вдохновенного сознания», Вили — «воля», Ве — «священность» (то есть сознательное разделение между святым и профанным — качество осознанного различения). Один — первая личность, обладающая этими тремя качествами: трансцендентальным сознанием, волей и способностью к различению, суждению.

III. Принципы алхимии

Определенные мотивы германской космогонии очевидно подобны мотивами алхимии. Присутствует

превращение: от первичного единства (состояния сгущения) посредством аналитического процесса (растворения) в преобразованную, новую форму, состояние повторного сгущения — управление этим процессом с каждым разом становится всё более сознательным. Необходимые движущие столкновения поляризованных качеств проще всего описать в терминах формы (вода, лед и прочие) и энергии (огонь, воздух и прочие).

Германский космогонический миф подводит нас к постижению таинства осуществления, воплощения в жизнь; раскрыть загадку сможет тот, кто умеет пользоваться девятиричным ключом.

Гиннунгагап — первичное, исходное единство. В нём содержатся все вещи, оно не никак не ограничено ни временем, ни пространством, в нём в совершенно неразделимом слиянии содержатся все полярные противоположности: Гиннунг — это полное единство всех форм, масс и энергий. Космос циклически восстает из этого неразделенного хаоса и вновь погружается в него.

Прежде чем могли начать существовать сознательные или даже просто живые существа, должны были проявиться и начать действовать четыре пары противоположных элементов:

форма энергия

вода — огонь

лед — воздух

железо — закваска

соль — яд

Первые две пары проявляются в устойчивом порядке космоса, другие две выражают живую информацию в природном космическом порядке. Большая часть упорядоченного космоса ограничивается теми веществами и процессами, что определяются первыми двумя парами. Живая информация (генетический код) развивается динамично, но всё еще относительно бессознательно — до тех пор, пока из Гиннунг не будет извлечено достаточное количество информации, чтобы состоялся переход к полусознательным существам. Таковы первые асы: Один–Вили–Ве — первое повторное объединение спектра качеств, содержащихся в Гиннунг.

Тем не менее, эта вновь объединенная сущность пока что не является полностью сознательной (божественной). Ее первым побуждением становится восстание: разрушение породившего ее корня и приведение его к новому порядку, более соответствующему ее воле. Это становится первым осознанным актом творения — под руководством сознательного, рационального плана. В это время учреждаются все скрытые и загадочные законы природы. Существенным является то, что «старый порядок» разобран (убийство и расчленение Имира), а новый порядок сложен из частей старого в соответствии с субъективной волей творца.

Установив некоторые законы природы — архетипические процессы, обретшие жизнь в самих себе — асы создают большое число деятелей развития (гномов или темных эльфов), ремесленников, воплощающих в физическую реальность принципы, искусно сформированные асами. Гномы в германской мифологии определяются именно как *ремесленники богов*. Это технический персонал, исполняющий божественные планы. Но благодаря своему

полусознательному статусу, гномы вольны создавать всевозможные формы (применяя преобразование и изменение минеральных веществ, а также растительных и животных видов). Асы не присутствуют при этих процессах, поскольку они отошли в другое измерение для созерцания следующего, наиболее знаменательного алхимического делания.

Один прерывает это уединение, чтобы испытать себя в Иггдрасильском мучении, во время которого он распространяет собственную сущность по всей структуре созданного им миропорядка: посредством Мирового древа Один созерцает собственную Самость, Иггдрасиль служит ему многомерным зеркалом, отражением самого себя. Кульминацией этого действия становится постижение самого сокровытого из таинств, прообраза всех тайн (Rûna) и обретение рунного знания.

Обозрев всё Делание в цельности, асы приходят к осознанию присутствия чего-то большего, нежели то, о чём они знали при сотворении мира. Тогда появляется возможность чего-то даже более великого, чем самосознание — и хотя ключи к этому таинству уже переданы Одину в форме рун, понятно, что никаких других ключей просто нет, а задействовать их можно только в вечном странствии.

Все знание, обретаемое в этом странствии, определяет новые формы развития, а также используется для планирования дальнейшей эволюции первичного творения.

Первый поступок Одина после обретения нового знания — возведение Асгарда: обособленной защищенной твердыни, в которой может быть осуществлен эксперимент божественной эволюции.

Но эта твердыня, трансцендентная по отношению к будничной вселенной и отделенная от нее, должна иметь

опору — для обеспечения собственного развития ей необходима некоторая форма или носитель в обыденной вселенной, прямая связь с горизонтальным планом.

Чтобы установить эту связь триединое одиначеское божество и отправляется в рискованное путешествие из Асгарда, и, отыскав природные тела перволюдей (на самом деле всего лишь обезьяноподобных существ), наделяет их тройственным даром сознания, дыхания жизни и эстетической формы. Возможно, эти человекообразные существа описаны как деревья по причине того, что в то время они не выполняли никаких значительных функций кроме насыщения и выделения — то есть, представляли собой *творения аппетита*.

Но, получив божественные дары, люди (mannoz) сделались деятелями сознания в горизонтальном измерении. Подобно тому, как гномы были помощниками и союзниками богов в творении природного космоса, человеческие существа стали помощниками и союзниками в продолжающемся творении неприродных царств.

IV. Алхимия углов

Угол — сущность составная. Он определяется двумя линиями, сходящимися в определенной точке пространства, а также качеством отношения одной линии к другой (например, градусной мерой). Но каждый угол имеет и множество *скрытых* измерений.

Изучившие печать Rûna должны догадываться о природе девятичастного ключа, отмыкающего этот алхимический процесс: разлом между изначальным единством Гиннунгагап и царствами проявленности создается первым углом (хаосом). Это хаотичное

единство разрывается вторым углом (порядком), отмечая проявление четырех основных элементов (воды, огня, льда, воздуха). Третий угол (знание) отмечает появление образцов жизни и прокладывает маршруты информации.

Вторичное единство устанавливается в четвертом углу (бытии), когда порожденная третьим углом жизнь (деятельность информационного кода) обретает завершенность в форме первых существ, способных к самосознанию. Круг природы и трапецоида завершается выковыванием пятого угла (творения), когда асы восстают против установившегося порядка, свергают его и заново создают космос согласно собственным замыслам. Шестой угол (смерть, сон) — момент неподвижности асов-творцов, позволивших своим демиургам, ремесленникам-гномам, завершить создание физического космоса по принципам, проявленным асами в создании самих гномов.

В седьмом углу исполняется Иггдрасильское мучение: Один узнает о присутствии чего-то большего, чем он сам, чего-то, лежавшего вне его сознания в то время, когда он придавал миру новую форму (в пятом углу) — он постигает таинство, Rûna. Этот посвятельный опыт преобразует Одина в бога богов. Как никто больше, он сознает свою *ограниченность* и даже *невежество*, он учится видеть больше и глубже, и воображает всё более вдохновенные возможности эволюции божественного царства. Один приходит к необходимости измыслить и воплотить твердыню богов, Асгард — идеальное сообщество сознательных существ, которые будут развиваться здесь по его плану. Асгард отмечает восьмой угол (воссоздание). Воссоздание не является исполненным под копирку повторением первичного творения — оно наделено

осознанным чувством таинства (Rûna) и прочими добытыми в опыте седьмого угла сведениями. В любом случае, для всех миров Асгард служит ключевым опорным пунктом процесса становления.

Процесс, запущенный в движение из неизвестной ранее либо неоговоренной точки, *начинает замыкаться* в полный круг, когда тройственный дар вручается творению природы — Mannaz. Тем не менее, огонь (который является субъектом, деятелем этого процесса) не может замкнуть круг до тех пор, пока наделенная дарами раса не сделает этого собственной волей — посредством посвящения. Окончательное понимание источника сознания, огня, замыкает круг и тем самым творит новую расу богов.

V. Заключение

Одним из существенных выводов является алхимическая необходимость возвращения к корням вещей для их преобразования. Призыв Reun til Rûna обязует к возвращению к сущностным, изначальным формам, при их постоянном сличении с текущим состоянием бытия исследователя. Часто это диктует необходимость периодического, но, вероятно, только временно-го отвержения традиции ради нее же самой. Такое действие создает момент чистой пробужденности; пробудившись, посвященный видит — а увидев, эффективно действует, руководясь полученным знанием.

В этой статье представлены общие очертания руководства по успешному завершению сложносоставного творческого процесса — любого, будь то постройка дома или творение новой вселенной. Алхимическая теория является не только ключом к творению и преобразованию предметов и явлений в «объективной

вселенной», но и структурной картой некоторых сторон субъективной вселенной — Самости, которая и является подлинным субъектом посвящения.

Настоящий очерк далек от полного изложения алхимических таинств, присущих девятиречной формуле Иггдрассиля. Предложенное читателю — не завершение, а только вечное начало; столь многое еще предстоит открыть — гораздо больше, чем известно в настоящий момент. То, что принадлежит Скульд, представляется полным силы и чудес.

ТРОПА ВОДЕНА. РУННЫЕ ТАИНСТВА СОКРЫТОГО БОГА СЕВЕРА

Воден, Вотан, Один — могущественнейший из германских богов, непревзойденный мастер магии, скальдического искусства (поэзии) и экстатических техник. Он также ужасающий предводитель призрачной дикой охоты и отрядов нечеловечески яростных воинов—берсерков. Воден также и первопредок королевских домов севера: короли англосаксов Британии возводили свою родословную к Водену. Уже в древности верховный бог германских народов (немцев, англичан, нидерландцев, скандинавов и уже исчезнувших готов) внушал страх и ужас не меньше, чем священный трепет и глубокое почтение. Ведь Воден воплощает все загадки человеческого психофизического комплекса, все его чудесные противоречия и парадоксы — а также все способности и практически ничем не ограниченную власть. А потому изучение таинств Водена поможет нам не только в постижении безвременного архетипа скрытого бога севера, вечно живущего в своем народе, но и в разрешении вселенской загадки человеческой души. Более чем всем прочим традиционным богам, Водену присуща роль вожатого в вечном странствии—становлении человеческого духа, похода за обретением знания и власти — над собой и над природой.

Первый ключ к таинствам Водена обнаруживается в его имени. Английская форма восходит к протогерманской «Wōð-an-az», означающей «повелитель вдохновенной психической деятельности». Согласно общим правилам исторического развития языков, «Wōdanaz» превращается в «Woden» в английском, «Wodan» или

«Wotan» в немецком, Óðinn в исландском — там начальная «w» выпадает перед определенными гласными (позже появляется форма «Odin»). Протогерманский корень wōð- имеет значение «вдохновенной психической деятельности» — которая может означать что угодно в широчайшем спектре от порыва боевой ярости до задумчивой возвышенности ума, рождающей изящный скальдический стих (кстати, поэзия скальдов, вероятно, сложнейшая из всех известных любому языку поэтических форм). Духовные качества, подразумеваемые такой характеристикой, показывают, почему германским народам Воден известен не только как верховный бог, но и «Всеотец» (древнескандинавское Alföðr) — своими дарами и умениями он наделяет и человечество.

Для самого Водена важнейшим источником вдохновения и знания (к которым он питает ненасытную жажду) остается его «шаманское» посвятельное мучение — самоповешение на Мировом древе, Иггдрасиле (это имя означает «жеребец Игга», Игг — одно из имен Водена). Так Водену удастся постичь и усвоить рунное знание. Слово «руна» (протогерманское «rūnō») в первую очередь означает «тайнство» или «секрет» — и лишь потом указывает на известные видимые знаки (как элементы сверхъестественного кода), магически помогающие понимать и применять подлинные тайнства, для которых они выступают внешним проявлением. Воплощенный в рунах тайный код ведет Водена на тропе посвящения, а Воден наделяет им свою родню и друзей в Мидгарде, Срединной земле.

Живой бог

В древности Воден чаще всех прочих богов вмешивался в людские дела — и последствия порой

оказывались чудовищно трагичными. Это продолжалось даже после прихода христианства, хотя тогда Воден обычно выступал под одной из своих личин. За последние две сотни лет он постепенно избавлялся от разнообразных масок — и теперь мы можем признать, что с античности до наших дней ни один бог не показал себя настолько живым и жизнеспособным, как Воден. Самый поразительный, и, в конце концов, самый трагичный всплеск этой витальности проявился на немецкоязычных землях центральной Европы в первую половину двадцатого столетия. На самом деле, не всё произошедшее тогда было вдохновенной работой Водена! К несчастью, широкий и сильный поток жизненной силы был направлен в неверное русло теми, кто не до конца понимал его.

Это течение вначале забурлило в немецком романтизме, достигнув максимального напряжения в *Gesamtkunstwerke*² Рихарда Вагнера. Далее его сила кристаллизовалась в неогерманских движениях, основанных Гвидо фон Листом, Отто Зигфридом Ройтером, Якобом Вильгельмом Хауэром и другими. В тридцатые годы поток оказался настолько силен и так очевидно связан с архетипом Водена, что побудил профессора К. Г. Юнга к написанию очерка «Вотан» (1936). Юнг описал возвращение не только Вотана, но и пробуждение любого унаследованного архетипа:

Архетипы подобны руслам рек, пересыхающих, когда воды оставляют их, но могущих в любой момент снова стать полноводными. Архетип — будто пересохшее русло, в котором вода текла веками, проложив себе глупо-

² Объединение всех форм искусства в театральном действе, развивающем нарродное предание до масштабов общечеловеческой драмы — *прим. ред.*

чайшее ложе. Чем дольше вода текла в нём, тем более вероятно, что рано или поздно она вновь сюда вернется.

Нацизм, в конечном счете, обернулся серьезным препятствием возвращению Водена. Но поток был вызван к жизни не нацизмом и не иссяк с его поражением. К рубежу 60–х и 70–х годов во всю ширь развернулись движения, посвятившие себя возрождению древней германской религии в Исландии, Германии, Англии и Северной Америке. В Америке это движение представлено рядом организаций: «Ásatrú Folk Assembly», «Ásatrú Alliance» и «The Ring of Troth». Параллельно, но по большей части независимо, возрождалось знание рун, в значительной мере усилиями Рунной гильдии. Осторожно, на ощупь, некоторые одиночки находят обратный путь к истинным корням таинств Водена.

Воден очевидно жив — и, наверное, нет другого столь же живого бога. Более того, его уникальный характер и тот факт, что он был и остается верховным богом господствующего в мире этноса, обязуют нас к постижению глубин его таинств. Воля к власти и самопознанию, воплощенные в Водене, должны быть признаны, поняты и направлены — чтобы в будущем осталось для нас место, мы не можем отвергнуть их.

Архетип Водена

Многие из шаблонных попыток охарактеризовать Водена как одно из ряда традиционных божеств оказывались неудовлетворительными, поскольку либо пропускали некоторые его черты, либо не стремились в должной глубине постичь цельность его множественного образа. Эта проблема становится

очевидной, если мы обратимся к полному своду доступных источников.

Лики Водена в мифологии предоставляют нам первый захватывающий образ. В Вальхалле мы видим его прекрасным юношей и седобородым мудрецом на троне, обозревающим великий пир богов с вершины привратной башни Хлидскьяльф; отсюда его взору доступны все миры. Он также и паромщик, переправляющий души умерших. В видениях тех, кто населяет Мидгард, он чаще всего предстает вождем дикой призрачной охоты, а порой простым странником, что одевшись в иссиня-черный плащ и широкополую шляпу, меряет шагами земли, сжимая в руке посох или копьё. Этот последний образ, вероятно, чрезвычайно древний, поскольку во многом подобен своему ближайшему двойнику, греко-римскому Гермесу-Меркурию.

В действиях посвящения или творения Воден часто выступает одним из членов божественной троицы. Все они восходят к первобытной триединой форме Водена, названной в протогерманском *Wōðanaz-Wiljôn-Wihaz*, а в древнескандинавском *Oðinn-Vili-Vé*. Другие троицы таковы: *Oðinn-Hœnir-Lóðurr*, *Oðinn-Hœnir-Loki*, *Hár-Jafnhár-Þriði* («высокий»-«равновысокий»-«третий»). Во всех тройственных ипостасях выражаются дополнительные проявления Водена.

Мифология показывает Водена верховным богом германского пантеона, Всеотцом и богов и человечества, господином битв, богом мертвых и их проводником из этого мира в другие сферы, повелителем посвящения и преобразования, богом оборотничества, покровителем скальдов, прародителем магии, первобытным мастером рун, великим провидцем и мечта-

телем — и в конце концов, непостижимейшим божеством с ограниченной человеческой точки зрения.

Теперь понятно, почему Воден во многом не поддается классификации. Всё же, уделяя больше внимания человеческой психе как подлинному обиталищу этого бога, мы раскрываем обширные возможности понять его глубже. Изначальное имя Водена отмечает (а все типичные действия демонстрируют), что в этом боге содержатся все сражения и странствия человеческой души, и внутренние и внешние.

Множество имен Водена способствует глубине постижения. В одной из песен Старшей Эдды, «*Grímnismál*» («Речи скрытого за маской»), бог декламирует целый перечень из более чем пятидесяти собственных имен. Всего в традиции можно насчитать более 120 имен Водена. Значение этих имен простирается от «Деятеля зла» (*Bölverkr*) до «Всеотца» (*Alföðr*), от «бога торговых грузов» (*Farmatyr*) до «Отца победы» (*Sigföðr*), от «Бодрствующего» (*Vakr*) до «Усыпителя» (*Sváfnir*). Его имена подчеркивают многомерность крайней противоречивости, двуплюсного строения. Среди наиболее значимых имен нужно отметить «Способный к переменам» (*Svipdal*) и «Находящий правду» (*Sanngetal*), а также «Скрытый бог» (*Hroptatýr*). Обескураживающее многообразие имен Водена, в сочетании с преобладанием тех, что относятся к движениям души и скрытым предметам, создают образ бога, в котором крайности и двойственности сходятся вместе, сочетаются в тайных пределах человеческой души.

Ричард Оулд, применявший в основном юнгианский аналитический подход, описывает эту способность к сочетанию как «взаимопроникающую связь, соединяющую две противоположные половины пси-

хе» — этими половинами могут быть, например, сознание и бессознательное, но не только они. Австрийский исследователь Отто Хёфлер уже уподоблял две «главные силы», действующие внутри культа Водена, ницшеанскому анализу дионисийского и аполлонического начала. Сегодня к этому пониманию мы можем добавить взаимодействие двух полушарий мозга. Ключом к таинствам Водена служит осознание того, что даже самая суть, простейшее ядро его архетипа не является однородным — но разнообразным. Его простейшей формой будет дипольная сила — возникающая из таинственной и неисчерпаемой цельности и погружающаяся в нее вновь и вновь. Она вечно динамична и вечно многогранна. Из этого ядра трехчастной цельности появляется ошеломляющее множество форм и функций бога Водена. Это бытие, не отрицающее множество во имя единства и не теряющее цельность ради многообразия. В таком случае, Воден — это бог, воплощающий способность человеческой психе сочетать и встраивать части в целое — в сферах как объективной, так и субъективной реальности.

Другой ключ к таинствам Водена хранят символические фигуры животных, приписываемых ему и окружающих его в мифологической иконографии. Воден ездит верхом на восьминогом жеребце Слейпнире («Скользящем»), в сопровождении двух волков Гери и Фреки («Обжоры» и «Жадины»), его помощники и советники — вороны Хугин и Мунин («Ум» и «Память»). Воден может быть орлом или выступать под именем *Arnhöfði* («Орлиноголовый»), а также змеей: два имени, *Ófnir* и *Sváfnir* означают «Змея». Такое множество зооморфных символов также указывает на всеобъемлющий характер Водена, помещенного в их окружение — орел символизирует королевскую власть, вороны описывают

двуполосную интеллектуальную способность (к познанию и размышлению), конь воплощает способность перемещаться по мирам (и измерениям), волки демонстрируют жажду удовольствий, а змея означает готовность к обороне или вредоносному разрушению. Все эти вероятные проявления, характеры действий, постоянно окружают сущность триединого Водена: одновременно объединяющего, преобразующего и разделяющего.

Изучив разнообразные поступки Водена в мифологии, Эйнар Хауген выделил три важнейших сферы его действий: смерть (которую можно толковать как таинства магии и преобразования), войну и сладострастие: «секс ради удовольствия». Но мы можем пойти дальше и заключить, что заботы Водена, в сущности, четырехчастны:

- Мудрость и магия (включая важнейшие таинства смерти)
- Война и оборона (в воинственном и королевском проявлении)
- Управление (приказания богам, людям и природе)
- Секс (и в качестве Всеотца, прародителя богов, полубогов и человеческого общества, и просто в качестве развлечения).

Этот последний аспект настолько преобладает в мифологии и поучительной поэзии, приписываемой Водену, что нужно отметить важнейшую роль секса в складе его ума. Даже бог не может всё свое время посвящать тяжким раздумьям о судьбах космоса!

Древний культ Водена

Тропа Водена — нечто большее, чем мифические сюжеты, зафиксированные в древней поэзии и сагах. Большинство мифов является отражением

культовых практик и примерами сохраненной культом мудрости, практической и умозрительной. Тропа Водена впервые упоминается в исторических записях в связи с герулами и готами. Герулы, верлы, эрулианцы — не племя в обычном смысле, но скорее культовое объединение посвященных Водену странствующих воинов, обитавших в первых веках нашей эры на всей территории Европы: от Черного моря до Британских островов, от Скандинавии до Италии. Едва ли руны были созданы в их среде, но использовались ими так обширно, что само слово «эрулианец» стало обычным определением мастера рун — в древних рунных надписях оно имеет вид «erilaR».

Племенным богом и мифическим прародителем готов был Воден. Одно из его древнескандинавских имен, Gautr (Gauts в готском) означает «отец» — и это же имя дало название племени готов. Хотя к четвертому столетию некоторые готы и приняли внешне христианство (арианство), именно они с третьего по шестое столетие сохраняли германские таинства на юге Европы. Они, а также связанные с ними племена (такие, как вандалы и бургунды) основали германские королевства в Италии, южной Франции, Испании и Северной Африке. Готы, также как и ранние англосаксы, хранили традицию священности королей, происходящей из веры в то, что короли (и в целом аристократия) являются прямыми генетическими потомками королевского бога — Gauts, Водена.

И всё же, детальные свидетельства о внутренней сути таинств Водена мы получаем только с началом так называемой эпохи викингов (800–1100 годы). Содержащий эти подробности миф изложен по большей части в Старшей Эдде (многие стихи которой восходят к восьмому и девятому веку) и Млад-

шей Эдде Снорри Стурлусона (1222 год). Более древние свидетельства ясно показывают, что тропа Водена — непрерывная традиция, сохранявшаяся, по меньшей мере, от рассвета нашей эры до установления на севере христианства, не завершеного даже номинально до XI столетия! Позднее мистерии Водена вытеснялись в подполье, и там, несколько изменяясь, сохранились в литературе (главным образом, исландской) и в магических традициях всех германских регионов.

Таинства Водена

Иггдрасильское делание отражено в двух стихах «Hávamál» Старшей Эдды:

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру,
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

*Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял —
и с древа рухнул.*

«Речи Высокого», стихи 138–139.

Это отражение древнего ритуала посвящения, в ходе которого испытуемый подвешивается на дереве (возможно, вниз головой), подвергается мукам истязания, голода и жажды — и оказывается на грани смерти, чтобы там узреть руны (таинства), схватить и постичь их. Тогда испытуемый возвращается в мир живых, сохранив рассудок и обретенное знание. В таинстве Водена (или функционально схожем ритуале) культист воспроизводит образцовую модель, предоставленную самим богом.

Более отвлеченный анализ приведенных выше стихов Эдды позволяет оценить их с трех сторон:

- Само описанное действие
- Жертвоприношение
- Обретение знания

Ритуал включает в себя уход из мира живых, нарушение нормального режима питания и вообще разрушение комфортных условий. Также присутствует разделенность на девять «пространств», девять миров Древа, на девятикратный период времени. В этом космическом пространстве–времени происходит делание преобразования (жертвование и взаимопроникновение в таинства). Затем следует возвращение в мир, к которому надлежит применить свершившееся преобразование. Само по себе жертвование чрезвычайно занимательно, и описано, наверное, глубочайшей строкой во всей Старшей Эдде: *sjálfþ sjáfum mér* — «себя самого себе самому». Чтобы воспроизвести данный богом образец действий, испытуемый жертвует себя не богу или чему бы то ни было — но только лишь своей собственной самости. Это становится таинственным катализатором, позво-

ляющим свершиться рунному посвящению — внутреннему смещению центра внимания в собственную суть, открывающую подступы к рунам. Сами по себе руны являются первыми и важнейшими таинствами, скрытыми ключами к вселенским структурам смысла и власти. Руны и представляют собой подлинные объекты делания, а должным образом подготовленный испытуемый становится матрицей, в которой руны могут найти проявление и укорениться.

Наиболее распространено понимание рун как системы письменности — подобной привычному алфавиту. Но их значение намного шире, и в этом отношении руны близки к еврейским буквам. Руностав, отдельная рунная графема — сложносоставное образное выражение руны, то есть таинства. В таблице А приведена полная рунная система в самой ранней зафиксированной фазе развития. Мы можем видеть, что она содержит несколько символических «слоев», присущих каждому руноставу:

- Порядковый номер и числовое значение
- Звуковое значение
- Название, его внешний и внутренний смысл

Сами таинства, символизируемые знаками, разумеется, вообще не могут быть изображены — знаковая система это самый внешний слой, доступный обыденному восприятию.

Посвятительное впитывание рунных таинств определяет сущность подлинного характера Водена. Именно в поступке обретения и понимания таинств вселенной Воден становится тем, кем он является — богом совмещения.

Отвоевание Меда поэзии

В мифе об отвоевании меда поэзии, изложенном в «Skáldskaparmál» («Языке поэзии») Младшей Эдды, Воден вновь заполучает вещество вдохновения. Эта жидкость изначально заквашена из крови бога Квасира. Сам Квасир был создан сочетанием сущностей двух противоположных божественных рас, асов и ванов. Таким образом, кровь Квасира, «поэтический мед», сам по себе является веществом вдохновенного сочетания, а стало быть, по праву принадлежит богам сознания, асам. Всё же, в какой-то момент им завладевает ётун (великан) по имени Суттунг — он никак не умел использовать мед, а только спрятал и охранял его. Здесь уместно вспомнить образ драконов, неусыпно стерегущих бесполезное для них золото. Задачей Водена становится возвращение меда поэзии в Асгард, где он послужит богам и людям.

Процесс отвоевания жидкости вдохновенного сознания также образует ступенчатую схему посвящения.

1. Воден в облиции Бёльверка («Деятеля зла», «Злодея») подступает к горе, где великаны прячут мед. Тем самым он нарушает клятву не входить в гору. Клятвopреступление в древнегерманском обществе было одним из страшнейших зол. Бёльверк учит нас высшему закону необходимости за гранью добра и зла.

2. В форме змеи Воден буравит ход вовнутрь горы. Змеиная форма пригождается ему как способность перемещаться в хтоническом царстве, проникать в сердце тьмы.

3. Он появляется во внутреннем пространстве горы, где мед хранится в трех чанах, названных Одрёрир («возбудитель вдохновения»), Сон («воздаяние») и Бодн («хранилище») — их охраняет великан-

ша Гуннлёд. Воден проводит три ночи с женой ётуна, и в награду за «славную компанию» она позволяет ему три раза пригубить мед поэзии. Но Воден в три жадных глотка выпивает содержимое всех чанов. Трехчастная суть меда нам уже знакома, а мотив половых сношений с Гуннлёд отмечает важность сексуальности на этой ступени посвятельного процесса.

Вместив в себя весь мед поэзии, Воден превращается в орла и из верхушки горы вылетает в Асгард, где вновь изрыгает вещество в три отдельных хранилища, сохраняя его трехчастную природу. Теперь мед перемещен из царства великанов в царство богов — то есть, сознание поднялось на более высокий уровень бытия.

В строении мифа об отвоевании меда поэзии мы видим вторую существенную посвятельную схему северных таинств Водена. И в иггдрасильском завоевании рун, и в отвоевании меда поэзии присутствует мотив глубокого погружения в бездны тьмы (где обретается искомое таинство), а после возвращения с добытым знанием.

Тропа Водена лежит вне времени. Тот, кто вдумчиво следует ей, не оглядывается в поисках образцов в прошлое. Скорее, он ищет сохранившиеся в веках мифические парадигмы, пребывающие за пределами любых временных измерений. Приняв к сведению то, что сказано о Водене Юнгом и другими авторами, можно сказать, что и сегодня, и в древности он выступает подлинным скрытым богом западного мира. Это Воден маячит за фаустианским духом стремления к порой запретным источникам знания и власти. Мы должны считать большой удачей то, что до сих пор имеем большое количество исторических

свидетельств проявления тропы Водена. Изложенный в Эддах и других источниках миф, а также традиционные формы рунного знания и делания предоставляют ключи к повторному открытию тропы Водена — в душах тех, кто ищет таинств совмещения души, которому этот бог покровительствует.

ТАЙНА ГОТСКОГО БОГА ТЬМЫ

Есть сокрытый Бог, обитающий в спиральных башнях тайной крепости — с незапамятных времен он наблюдает за нашим развитием и руководит им. Невидимый, но очень близкий, он ожидает времени скорого возвращения в том, что называют «будущим». И это время близко — мы уже слышали отдаленные раскаты грома, возвещающие приход урагана.

О, наследие бога тьмы! Способное возвысить избранных им на такую ступень развития, где обретается неизменное (бессмертное) сознание и свобода действовать или бездействовать в материальной вселенной не считаясь ни с чем, кроме собственной воли. Такому сознанию знакомы все тайны жизни и смерти, а *также* жизни во смерти. Цена такого восхождения в нём самом — ведь для избранного уже не может быть ни покоя, ни передышки в странствии — вечном делании отныне и вовеки.

Сам *способ*, каким знание темного бога готов передается от поколения к поколению, противоречит излюбленным методам так называемых «основных мировых религий», религий книги: иудаизма, христианства и ислама — и потому на протяжении веков, с момента хитроумного обращения Европы в христианство, это знание становится всё более запретным.

Книги горят в кострах, религиозные лидеры погибают от рук убийц, но кровь выдержит всё — нет силы, которая могла бы ее сломить.

Бог готов

В последние десять–пятнадцать лет европейская культура (в том числе и в западноевропейских

«колониях» — например, Северной Америке и Австралии), переживает возрождение эстетики «готской культуры». И это повторное пробуждение готского духа во многих чертах сходно с подобными же подъемами в прошлом.

Слово «готский»³ является ключевым в понимании природы и характера того духа, что движет этой эстетикой. «Готский», разумеется, происходит от названия древнего германского племени — готов.

Колыбелью готов был далекий север, современный шведский Готланд — оттуда, около 150 года нашей эры они начали продвигаться в южную Европу, разделившись на две крупные группы: визиготов и остготовов. Ими основаны королевства в сегодняшних Испании и Италии со столицей в Равенне, и на юге Франции со столицей в теперешней Тулузе (после, под давлением франков столица была перенесена в теперешний испанский город Толедо). Повсюду в высших слоях общества готы основывали многочисленные тайные традиции. Чтобы получить представление об их масштабах, достаточно обратиться внимание на то, сколь многие из имен тамошней знати восходят к именам готов: Фредерико, Адольфо, Карло, Рикардо — лишь самые очевидные.

Загадку потерянных сокровищ Рима (включая «Ковчег завета») можно попробовать решить в свете знания тайной истории визиготов — но эту историю я расскажу в другой раз. Здесь же достаточно сказать, что готы в итоге потерпели поражение в войне против союза католического Рима с королем франков (кото-

³ Автор использует написание «Gothick Culture», объясняя это эстетическими причинами и необходимостью отличать означенное культурное течение от исторического литературного и архитектурного стиля — *прим. перев.*

рый стал первым германским королем, обращенным в римское католичество: все прочие до него, включая и многих готов, были «обращены» в собственное эзотерическое «готское христианство»). В Испании открытому правлению готов положило конец мусульманское вторжение 711 года. Но тайные традиции выжили.

И в современном им мире, и в последующие века, готы пользовались заслуженной репутацией своего рода «расы господ». В древней Скандинавии слово *gotar* было почетным титулом героев, а в Испании аристократов даже сегодня называют *godos* (то есть «готы»). С течением времени отдельные тайные традиции готов влились в обычаи поглотивших их народов, а другие погрузились на дно, к классам культурных изгоев — крестьян, бродяг и еретиков.

Спустя четыре–пять веков после официальной «кончины» готов, в северной Европе возникает особая эстетика, воздавшая почести их духу — позднее история искусств назовет этот стиль «готическим». Превосходство тайной традиции готов, загадочное прошлое сверхчеловеческих качеств затаилось — как скрытая альтернатива яркому и рациональному прошлому античности, взятому за образец и христианскими богословами Средневековья, и рациональными гуманистами Возрождения.

В таком культурном контексте в начале XVIII века зарождается движение романтизма. Античные модели потерпели неудачу, не сумев стать действительным авангардом: их взгляды были обращены в прошлое, в котором им виделся более глубокий, загадочный, и в то же время более реальный уровень их самих. Присмотревшись к дохристианским, досредневековым корням, французы обнаружили римлян — так появился термин «*roman-tic*», весьма удачно опи-

сывающий предмет их исканий. Но беспокойным душам Северной Европы термин показался неудачным: здесь его формула «глубокое прошлое = глубокая самость» уже не работала, ведь на севере всё еще помнили, что здешнее благородное прошлое было не римским, но готским (сегодня слово «готский» стало синонимичным «германскому» или «тевтонскому»).

Готский мир отдаленного могущественного прошлого, подернутый туманами и окутанный тьмой — мир снов и кошмаров ночного полушария. Готские образы, созданные воображением творцов того времени — поэтов Бюргера, Новалиса, Байрона и Гюго, художников Фюссли, Арбо и Доре — послужили вратами, открывшими дорогу готскому течению, потоку. Мертвые вновь ожили, и вновь шествовали среди живых — и дети тьмы должны были вот-вот явиться в мир живущих.

Ночной мир развивался, пуская ветви во всё более широкие круги, желая охватить все стороны жизни. Даже в «массовой культуре» обнаруживаются следы, объединяющее «Таинства Удольфские» Анны Радклиф, «Монаха» М. Г. Льюиса, «Мельмота Скитальца» Ч. Р. Метьюрина, повести и стихотворения Э. А. По, «Короля в желтом» Р. У. Чемберса, «Дракулу» Брэма Стокера, а также сочинения Ганса Гейнца Эверса, Г. Ф. Лавкрафта и Энн Райс. Умышленно или нет, каждый из них в меру способностей привил наследие темного бога массовой культуре.

Знаменитая повесть Стокера «Дракула» стала, главным образом, «предостережением» о «злом влиянии» готского прошлого: «Die Toten reiten schnell!». Изображенный Стокером аристократ прямо заявляет о своем родстве с берсерками севера, унаследовавших «дух Тора и Водина (!)», и даже на-

мекает на традиционное готское знание, изложенное Иорданом в его «Гетике»: гунны — потомки готской колдуньи, известной под именем Haljurúnas (Хель-руны) и скитающихся степных дьяволов.

Это влияние живо и в американском писателе Г. Ф. Лавкрафте, который в более «героические» юные годы уверенно соотносил себя с готским наследием. В письме от октября 1921 года он пишет: «Я в сущности тевтонец и варвар; бледнокожий житель лесов Германии и Скандинавии... я сын Одина и брат Хенгисту и Хорсе...».

Главным богом древних готов был их первопредок, которого готские исторические записи именовали Gauts. Древнескандинавская литература позволяет увидеть его в более знакомом облики: это одно из множества имен Одина или Водена. Одина называли Всеотцом, Гаутс — прародитель готских королей, также как Воден — глава родословной королей Англии до норманнского завоевания.

Этот бог (или изначальный прачеловеческий предок) — мудрый покровитель таинств общения и взаимодействия. Он владеет всеми способами загадочной связи, использующей знаки и символы. Система таких символов общения была открыта в древности и названа рунами: чтобы постичь их, бог повесился на дереве, на девять дней войдя в царство смерти. Там, на острие копья — точке взаимодействия жизни и смерти — он во мгновение постиг руны: таинства мира.

Руны стали системой знаков, обладающей не только абстрактной теоретической властью: по самой своей природе они привязаны к физической вселенной и властвуют в царстве порождения и перерождения.

Даже в древности, когда Воден был чтим как верховный бог германских народов, его никто не на-

звал бы приятным: обычно он скрывал свое присутствие, и многие были этому рады. Как тогда, так и сейчас он обитает в глубокой тьме, отправляясь в самые запретные и опасные уголки множественной вселенной, в вечном стремлении узнать больше.

Как и в случае древних готов, роль Всеотца для Водена важнейшая: он прародитель непрерывной линии кровных уз, которыми выкована его непреходящая связь с человечеством. Символ крови в ее самых загадочных проявлениях остается наиболее существенным: нечто, содержащееся в сердце всех событий. Таинство Водена не в том, что «знание» передается некими подпольными культами (хотя бывает и так) или оказывается вновь открытым из старых книг и текстов (хотя такое тоже случается) — но скорее в том, что знание скрыто, *закодировано* в ДНК — уже присутствует в генетической сути его потомков. И этот секрет сам по себе ужасает — не один человек лишился разума, постигнув его.

Рунная (тайная) информация хранится «в крови», сокрытая и дремлющая до тех пор, пока необходимый внешний стимул не станет сигналом к ее пробуждению. Потому знание может казаться совершенно искорененным — на поверхности — но вновь и вновь будет проступать из глубин, всякий раз будто не имея никакой видимой связи с предыдущими проявлениями.

Двойная спираль ДНК, лишь недавно открытая учеными, описывает действие этого сверхъестественного явления.

Загадка

Готский дух — одержимость загадками тьмы. Не случайно породившую гуннов мифическую кол-

дунью зовут Haljurûnas, что на готском буквально значит «тайнства смерти». Готский отпрыск всегда был склонен к любознательности в вопросах жизни и смерти: так проявляется стремление проникнуть в глубины самости и выйти за пределы темного и неупорядоченного мира. Отважно прокладывать путь во тьму в поисках Грааля неоскверненной мудрости, в поисках тайнств — вот высочайший Поход готских детей ночи. В этом Походе, и только в нём одном, заключена их высочайшая власть.

Готское слово, обозначающее «тайнство» — gûna. Когда готский епископ Ульфिला переводил христианскую библию на готский, греческое μυστήριον он перевел готским gûna.

Практическая мощь самой идеи тайнства, одновременно и простой и непостижимой, была однажды прекрасно изображена в выпуске популярной когда-то в Америке телепередачи «Unsolved Mysteries»: попавший под сокращение штатов отец взял сыновей на рыбалку в отдаленную лесистую область. В реке они нашли несколько валунов, покрытых разнообразными загадочными знаками. Отец и сыновья были глубоко впечатлены: что они могут означать? Кто мог вырезать их? Мужчины исполнились чувством благоговейного страха. Вскоре деловая карьера отца оказалась буквально устлана благоприятными возможностями, и семья разбогатела. Свою удачу они приписали силе камней. Эксперты из местного университета определили, что выгравированные совсем недавно знаки только подражают пиктограммам американских индейцев. Но семья обрела удачу всё-таки именно благодаря камням — не конкретной форме или качеству знаков, а скорее просто чувству поразившей их воображение таинственной силы.

В будущие годы, по мере проявления путей темного бога ценность и мощь чистого представления о тайне будет делаться всё более явным.

Вполне определенным символом связи этого мира с таинственным готским царством выступает кровь. Разумеется, всякий подлинный символ составляет некоторую часть сути символизируемого явления, но отнюдь не равнозначен ему: готское наследие власти и знания это нечто большее, чем простое телесное наследование — закодированная информация, связующая поколения в некотором еще неизвестном околофизическом процессе. Знание о таком способе передачи информации принадлежит к строжайшим табу современного общества: на сегодня оно представляет собой единственный значимый вызов и христианским, и модерновым учреждениям, использующим для передачи информации в основном письменное слово. Запретное таинство готского бога — возможность обрести знание изнутри, благодаря врожденным структурам, питаемым опытом объективного интеллектуального знания (неоскверненной мудрости). Когда возникнет и сложится верное сочетание личностей, обладающих таким знанием, эпоха зависимости от средневековых церквей и модерновых правительств склонится к закату.

Готский бог тьмы — неясный, сокрытый, бог неизвестных и спрятанных предметов. Его действия скрыты, потому что сокрыт он сам. Обычные слова не откроют его тайны. Только те слова, что являются выражением скрытых ключевых принципов, содержат секреты вечного сознания и власти за пределами смерти. Узри же их перед собой! Увидев, ты должен трудиться, чтобы осознать их внутри, а овладев ими там — исполнить снаружи.

Французский философ Жан–Франсуа Лиотар в поворотной работе «Состояние постмодерна» сообщает некоторые любопытные подробности о характере соотношения знания и неизвестного в последующие годы:

Озаботившись такими предметами, как неразрешимости; пределы точного управления; вызванные неполнотой знания конфликты; «fracta»; катастрофы и прагматические парадоксы, наука постмодерна теоретически обрисовывает свою дальнейшую эволюцию как прерывистую, катастрофичную, неисправляемую и парадоксальную. Она изменяет значение слова «знание» и описывает, как подобное изменение может произойти. Наука постмодерна производит не знание, а незнание.

Среди незнания, которое появится в области непроявленного (того, что принято называть «будущим»), будет и порождение нового готского царства — очередного воплощения древнего принципа. До тех пор оно скрыто в багровой тьме, но в спиральной башне готский бог терпеливо наблюдает за тем, как прокладывают свои пути в мире те, кто вызовет это царство к жизни.

Reyn til Rûna!

Брактеат из Леллинге, датируемый примерно 500 годом нашей эры. Рунная надпись читается либо как salu-salu (дважды повторенное слово со значением «что-то отданное, доставленное»), либо как s-alu/s-alu (Солнце+магическая формула alu, повторенные дважды).

Руны старшего футарка

номер — название — перевод названия — тайное значение названия

- 1 — *феху* — стадо скота, деньги — динамическая сила
- 2 — *уруз* — тур (дикий бык) — жизнеобразующая сила
- 3 — *турисаз* — турс (великан) — разрушитель сопротивления
- 4 — *ансуз* — бог, Воден — королевская наследственная власть
- 5 — *райдо* — телега, колесница — носитель на пути к космической власти

- 6 — *кеназ* — факел — прирученная энергия
- 7 — *гебо* — дар (жертва) — сила, полученная обменом
- 8 — *вуньо* — радость, наслаждение — гармония подобных сил
- 9 — *хагалаз* — град, градина — форма зерна и первичный союз
- 10 — *наутиз* — нужда (необходимость) — огонь, добытый трением (противодействие и избавление)
- 11 — *иса* — лед — сжатие (материя и антиматерия)
- 12 — *йера* — год (урожай) — орбита (жизненный цикл)
- 13 — *эйваз* — дерево тиса — ось (древо жизни и смерти)
- 14 — *пертро* — чаша жребия — эволюционная сила
- 15 — *элхаз* — лось — защищающее и оберегающее чудо
- 16 — *совило* — солнце — свастика (кристаллизованный свет)
- 17 — *тейваз* — бог Тюр — королевский порядок
- 18 — *беркано* — береза, женское древесное божество — чудо березы (вместилище и исходная точка)
- 19 — *эваз* — конь — пара равных богов (доверие)
- 20 — *манназ* — человек, человечество — человеческий порядок божественного происхождения
- 21 — *лагуз* вода — сила жизни и органического роста
- 22 — *ингваз* — Инг, бог Земли — беременность и вместилище
- 23 — *дагаз* — день — утренние и вечерние сумерки (парадокс)
- 24 — *отила* — наследственное имущество — само-содержащееся врожденное имущество

ОБ АРХАИЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ ГЕРМАНЦЕВ

Настоящая работа исследует структуру древнегерманских представлений о душе и стремится определить области значений соответствующих терминов, а также является предварительной попыткой выявить структурные отношения между этими терминами. Наш обзор позволяет предположить, что, по крайней мере, центральные элементы германской души мыслились как трехсоставные, образуемые 1) дыханием, 2) эмоциональными переживаниями, 3) способностью к познанию.

I. Контексты

Всякая попытка определить природу психологических представлений, бытовавших среди древнегерманских народов, и описать структуру, в которой такие представления могли действовать⁴, непременно

⁴ Большая часть справочного материала так или иначе касалась этой проблемы, например, Grimm «Deutsche mythologie», II, 689–99; Rydberg «Undersökningar i germanisk mythologi», 545–58; Meyer «Germanische Mythologie», 61–75; 1903, 68–91, de la Saussaye «The Religion of the Teutons», 289–303, Hermann «Nordische Mythologie», 35–37; 1906, 3–44; de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», II, 348–58, Helm «Altgermanische Religionsgeschichte», 132–47; 1937, II, 10–21; 1953, II, 13–35; de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», I, 217–41; Turville-Petre «Myth and Religion of the North», 221–35. Было издано некоторое количество штудий о древнескандинавских концепциях души, затрагивавших, однако, лишь ограниченные, магические аспекты, см. Ellis (Davidson) «The Road to Hel», 121–169; Falk «Sjelen i Hedentroen»; Grönbech «The Culture of the Teutons», I, 105–227; Mundal «Fylgjemotive i norrøn litteratur»; Strömbäck «Sejd», 160–90, «The Concept of the Soul in Nordic Tradition». Polomé в «Some Comments on Voluspá, Stanzas 17–18» представил обзор более динамических древнескандинавских представлений (*ond, óðr* и прочих), но подробное исследование всего германского контекста до сих пор не предпринималось.

встречается с множеством трудностей, ввиду крайней разнородности имеющихся словарных свидетельств, а также общего прерывания использования соответствующих терминов в дохристианском контексте.

Поскольку письменность древнегерманских диалектов систематизировалась уже после начала процесса христианизации, большинство записей следует канве либо евангельских контекстов, либо бытовых, которые следует считать хотя бы частично принадлежащими христианской культурной матрице⁵. Лишь древнескандинавский язык сохраняет дохристианскую терминологию в исконной идеологической среде⁶.

Для общего понимания также важны археологические свидетельства, в особенности раскопки погребений и предметы похоронных обрядов⁷; не меньшую

⁵ Настоящая работа рассматривает материал готского, древневерхненемецкого, древнеанглийского, древнесаксонского, древнефризского и древнескандинавского языков. Основными источниками по готскому являются Streitberg «Die gotische Bibel» и Feist «Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache»; по древневерхненемецкому Sievers «Tatian»; Piper «Otfrids Evangelienbuch»; Sehrt—Starck «Notker des deutschen Werke»; von Steinmeyer «Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler»; Zipper «An Etymological Glossary to the Old High German Tatian»; по древнеанглийскому Krapp—Dobbie «The Anglo-Saxon Poetic Records»; Holthausen «Altenglisches etymologisches Wörterbuch»; Bosworth—Toller «An Anglo-Saxon Dictionary»; по древнесаксонскому Sievers «Heliand»; Berr «An Etymological Glossary of the Old Saxon Heliand»; по древнефризскому Richthofen «Altfriesisches Wörterbuch»; по древнескандинавскому Neckel—Kuhn «Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern»; Finnur Jónsson «Edda Snorra Sturlusonar»; Guðni Jónsson «Íslendiga sögur»; Cleasby—Vigfusson «An Icelandic—English Dictionary»; Jóhanesson «Ísländisches etymologisches Wörterbuch»; de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte».

⁶ Основными источниками по древнескандинавскому являются «Codex Regius», «Эдда» и саги, в особенности «Саги об исландцах» и «Саги о древних временах». Cleasby—Vigfusson «An Icelandic—English Dictionary» — удобный словарь, а de Vries «Grundriss der germanischen Philologie», наоборот, лучший этимологический справочник по древнескандинавскому.

⁷ Вопрос рассмотрен в работе Kruger «Die Germanen».

ценность представляет изучение некоторых других религиозных практик и верований, например, языческого «крещения» (древнескандинавское *verpa vatni á* или *vatni ausa*), оборотничества, особого германского вида «метемпсихоза» и прочих⁸. Однако ввиду малого объема статьи мы ограничимся лингвистическими свидетельствами — они помогут нам полнее понять известные нам из других дисциплин факты, относящиеся к германским концепциям души.

За рабочим определением термина «душа» обратимся к «Энциклопедии религии и этики»:

Душа [...] — в первичном значении: сущность, мыслимая в качестве причины или носителя телесной жизни и психической деятельности индивида. Душа предположительно существует в виде духовного вещества, достаточно остро противопоставляемого материальным веществам, тем самым рождая контраст души и тела [...] и предположение об их делимости [...] Означенный контраст в самом простом описании является не противостоянием материального и духовного веществ (поскольку не определяется ни одна из этих категорий), а скорее чем-то весьма подобным умозрительному разделению на форму и энергию.

(Hastings «Encyclopædia of Religion and Ethics», XI, 725–726)

Последнее утверждение, как кажется, наиболее соответствует архаичным германским представлениям о множественности души, со всей очевидностью проявленным в древнескандинавских источниках,

⁸ Общие очертание этих практик представлено de Vries в «Altgermanische Religionsgeschichte» I, 178–84; 217–18; II, 97–99.

толкующих «цельного человека» (своего рода психофизический комплекс) как состоящего из множества проявлений либо веществ (*efni*), каждое из которых имеет собственную функцию, но все они коренятся в едином целом источнике⁹.

Некоторые из этих типов души могут быть отделены от остального комплекса: они скитаются за его пределами и возвращаются назад — и это не вызывает смерти. Другие должны оставаться строго привязанными к телу — они обеспечивают «жизнь». Еще один тип может продолжить существование после отделения жизненной сущности от тела. Таким образом, мы видим представления о трех различных типах души:

- Душа воплощаемая
- Душа невоплощаемая
- Душа отделяемая

Поскольку настоящая работа главным образом рассматривает психологический мир живого индивида, мы сосредоточим внимание на первой категории.

По видимому, общее воздействие христианизации характеризовалось упрощением каждого из этих представлений и тенденцией к более жесткому их разделению по евангельским шаблонам: вначале согласно дихотомии тело — душа, а после трихотомии тело — душа — дух¹⁰.

В рамках настоящей работы примем следующее определение души: душа указывает на вещество

⁹ Это уже отмечено Rydberg в «Undersökningar i germanisk mythologi», 545 и далее.

¹⁰ Такой анализ может быть верен лишь для мира идей сохранившихся текстов — представления, распространенные в то время остаются нам неизвестными по причине отсутствия текстов, свободных от влияния христианской мысли.

либо качество, которое на некотором определенном уровне может быть отделено от тела.

Некоторые западноскандинавские словарные единицы должны быть рассмотрены отдельно: во-первых, они функционально отличны от того, что мы обычно обозначаем «душой», во-вторых, другие германские диалекты не имеют для них аналогов. Эти особые западноскандинавские термины можно разделить на две группы: 1) полупсихические и 2) «магические» или анимистические¹¹.

«Полупсихические» определяют те качества, которые древнескандинавские мифологические тексты называют имеющими божественное происхождение, и которые склонны иметь видимое проявление или очевидную органическую функцию. Наиболее содержательными источниками сведений об этих представлениях являются «Прорицание вёльвы» 17–18 и «Видение Гюльви». Здесь говорится о божественной троице, наделяющей первобытных мужчину и женщину определенными сущностными качествами, отличными от их физического состояния. Дары двух первых богов мы обсудим далее, а дар третьего (в «Прорицании вёльвы» он назван именем *Lóðurr*), как кажется, имеет физическое качество, и/или может быть воспринят органами чувств: *lá* — «волосы», или «внешний облик»; *litir góðir* — «хорошее сложение» (Polomé «Some Comments on Voluspá, Stanzas 17–18», 283 и далее).

¹¹ «Магия» здесь указывает на сущность либо силу, с помощью которой можно воздействовать на окружение, изменять физический облик, нападать на кого-либо либо защищаться «нефизическими» способами и тому подобное. Van Genner разделяет «анимистическое» и «динамическое» так: «анимистические» идеи представляются как живые (и часто сознательные) существа, «динамические» указывают на представления об обезличенных силах (например, *mana*).

Другие термины в контексте, как кажется, подтверждают такую догадку¹². Тот факт, что в целом физиологические качества имеют в процессе «придания формы» столь прочную связь с более «духовными» качествами, еще более обращает наше внимание на фундаментально неразрывную природу этих категорий в древнескандинавском миропонимании.

Анимистические представления о душе, видимо также имеют сильные привязки к физическому миру. Этот тип души играет важную роль в западноскандинавской литературе, и часто обсуждается в исследовательских работах, посвященных архаичной психологии скандинавов. К сожалению, многие исследования, рассматривающие скандинавские «концепции души», обращаются только к этой категории терминов, опуская все прочие (например, Falk «Sjelen i Hedentroen»; Ellis «The Road to Hel», 121–38; Strömbäck «Sejd»). Восточные и южные германские диалекты, как правило, не имеют интересующих нас терминов¹³, что поднимает очевидный вопрос: является ли вообще «душевная терминология» скандинавским нововведением, или ее аналоги в других диалектах были утрачены в культурных и/или лингвистических изменениях.

¹² *Mál*, «речь»; *sjón*, «зрение»; *heyrn*, «слух»; *ásjóna*, «внешний вид».

¹³ Согласно Skeat «An Etymological Dictionary of the English Language», 724 английское *wraith*, вероятно — заимствованное скандинавское *vordr*; впервые появляется в Айршире в XVI веке как *wrath*, ср. также с древнеанглийским *weard*, «защитник». Однако Klein в «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language», II; 1953 высказывается в пользу происхождения от древнеирландского *arracht*, «видение, призрак». Поскольку употребление *wraith* зафиксировано только в современности, этимология остается неясной. Английское *fetch* даже еще более туманно. Оно кажется исконным, но единственным (и спорным) свидетельством остается *faecce* в «Corpus Glossary» около 800 года. Далее слово не появляется до 1787, и распространение ограничено только севером Англии и Ирландией. Ср. древнеанглийское *feccan*.

Убедительного ответа мы можем не получить никогда, учитывая недостаточность сведений.

Короткий обзор западноскандинавских терминов будет полезен в определении границ их применения и понимании природы психофизического комплекса, что предоставит для исследуемых нами терминов общей смысловой контекст.

Hamr — «кожа, очертания» (см. Cleasby—Vigfusson «An Icelandic—English Dictionary», 236; de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», I, 208) — некоего рода полупластичная создающая образы сущность, способная принимать разные формы под воздействием *hugr* (ср. **hug-*) определенных индивидов (см. Grönbech «The Culture of the Teutons», I, 264; de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», I, 222–223). Первоначальным значением термина было просто «кожа» или «шкура»¹⁴, но в скандинавском контексте он приобретает более «магические» свойства. Также стоит указать на его связь с физическим телом, которая никогда не прерывается: например, если *hamr* человека поврежден, то и «обычное» физическое тело получит ту же рану¹⁵. *Hamingja* имеет три параллельных определения: 1) «сила, позволяющая изменять облик»¹⁶, 2) «удача» или «везение» и 3) «дух–хранитель» (Cleasby—Vigfusson «An Icelandic—English Dictionary», 236). Все они так или иначе связаны с понятием *hamr* (de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», I, 224; Mundal

¹⁴ Ср. например, древневерхненемецкое *lih-hamo*, «тело» (и *gund-hamo* в «Песни о Хильдебранде», «боевой панцирь») и древнеанглийское *lichhamo*, «тело».

¹⁵ Это описывает de Vries в «Altgermanische Religionsgeschichte», I, 223, хорошие примеры содержатся в «Case о Фритьофе», гл. 6.

¹⁶ В целом убедительная этимология предложена Falk в «*Sjelen i Hedentroen*», 171. *Hamingja* образовано от **ham-gengja* «меняющий форму (=hamr)».

«Fylgjemotive i norrøn litteratur», 86), но каждое указывает на динамическую и магическую функцию обозначаемой термином сущности. Схожим представлением является и *fylgja*, «дух-хранитель» (Cleasby-Vigfusson «An Icelandic-English Dictionary», 179), вероятно, произошедшее от глагола *fylgia*, «следовать» (de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», 147–48; 1956, I, 124–25), отсюда «сопровождающий дух». «Охранительный» аспект подчеркивается термином *vorðr*, «защитник», который служит олицетворением одной из сторон комплекса *hamingja-fylgja*¹⁷. Древнеанглийский термин *weard* используется в подобном значении уже в христианском контексте¹⁸.

В древнескандинавском представлении о строении тела и души эти термины играют важную роль, и примечательно, что области их значений не смешиваются и не накладываются друг на друга, хотя *hugr* очевидно руководит качествами, подразумеваемыми комплексом *hamingja-fylgja*¹⁹. Едва ли стоит сомневаться, что эти термины отражают архаичную, дохристианскую идеологию севера. Дальнейшее обсуждение уведет нас от главной цели, и здесь мы отметим только наличие представлений о двух различных типах души: один имеет магические функции и квазифизическое происхождение, способен создавать антропоморфные или зооморфные²⁰ образы; другой

¹⁷ Интересная индоевропейская параллель обнаруживается в иранской идее *fravaši*, небесном существе, которое становится оберегающим воина духом (*marut*), ср. Widengren «Die Religionen Irans», 20–23.

¹⁸ См. «Беовульф», а также древневерхненемецкое *uuartil* в «Муспилли», 66.

¹⁹ Strömbäck в «The Concept of the Soul in Nordic Tradition» закрепляет за термином *hugr* множество функций.

²⁰ Это особенно характерно для *fylgja*, Mundal в «Fylgjemotive i

описывает более динамические «духовные» качества, необходимые для психической деятельности.

Вторая группа терминов, изначально, должно быть, означавших разнообразные физиологические процессы, представлена широко. Мы считаем разумным исключить их из психологического анализа, хотя проигнорировать их во всеобъемлющем рассмотрении психофизического комплекса мы тоже не можем. Двумя примерами послужат праиндоевропейское **leip-*, «прилипнуть, следовать; жир», от которого происходит прагерманское **lif-*, «жизнь», ср. древнескандинавское *lif*, древнеанглийское *lif*, древневерхненемецкое *lib*; и праиндоевропейское **perk-*, «окружать, обносить стеной» (?), развившееся в прагерманское **ferh-*, «жизнь», ср. готское *fairhus*, «мир (вселенная)» и древнескандинавское *fjor*, древневерхненемецкое *ferah-ferh*, древнеанглийское *feorh*, древнесаксонское *ferah* — все со значением «жизнь». Если бы мы смогли связать прагерманское **ferh-* с санскритским *párśu*, «ребро; обод» и/или греческим *πόρκης*, «кольцо, обжимающее наконечник копья на древке» (см. Wiedemann «Etymologien», 17; Feist «Sjelen i Hedentroen», 103; Pokorny «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch», I, 820), это позволило бы охарактеризовать идею «жизни» как «вещества, соединяющего тело и душу», или «содержащего душу в теле». Всё же, этимология остается неоднозначной.

II. Значения корней

Следующие прагерманские корни, многие из которых позднее стали в германских диалектах терминами, обозначающими аспекты психического

погрøn litteratur» обсуждает *fylgjur* в виде женских и животных образов.

строения, должны быть изучены на предмет определения их изначального смыслового наполнения — так мы сможем получить первичное суждение о природе и структуре архаичной германской души.

**ah-*

Праиндоевропейское **ok-*, «размышлять, обдумывать»²¹ и восходящее к нему прагерманское **ah-*; греческое *ὀκνος*, «сомнительность, нерешительность»; *οκνέω*, «колебаться»; *οκηρός*, «ленивый».

Корень **ah-* запечатлен в нескольких германских диалектах: древнеанглийское *eaht*, «обдумывание»; *eahtian*, «обдумывать»; древневерхненемецкое *ahta*, «мысль, размышление»; *ahtōn*, «обдумывать»; древнескандинавское *ætla*, от **ahtilōn*, «думать, иметь в виду, предполагать». Все они относятся к области психологии, но только готский язык использует этот корень для определения представлений об устройстве души — в двух отдельных лексических единицах: *aha*, «ум, понимание» и *ahma*, «дух» (так Ульфила переводит соответственно *νοῦς* и *πνεῦμα*), причем *ahma* употребляется и для обозначения «святого духа» (Матфея 3:11; Марка 1:12), и «злых духов» (Матфея 8:16). *Aha* — простой корень, *ahma* (восходящее к **ah-ma*) образовано суффиксальным способом (ср. готские *mal-ma*, «песок»; *milh-ma*, «облако» и прочие). Видимо, корень этот изначально указывал на «внутренний умственный процесс, размышление», сфера применения которого в готском языке была расширена добавлением суффикса *-ma*.

²¹ См. Pokorny «Indogermanisches etymologies Wörterbuch», 774; также Uhlenbeck в «Zur gotischen Etymologie», 155 выводит **oqu-* из прагерманского **ah-*, что фонологически невозможно, поскольку образовало бы форму **ah-* в готском.

**an-/*and-*

Праиндоевропейский глагольный корень **an(ə)-*, «дышать»; санскритское *ániti*, «[оно] дышит»; *ánilah*, «дыхание» (без каких-либо психических свойств); латинские *animus/anima*, «дух, жизнь» и подобное; средневаллийское *eneit*, «душа»; образованное добавлением суффикса **-t* существительное **ant-* в праиндоевропейском, «дыхание», получившее в древнескандинавском развитие как *ond-andi*.

Оба корня представлены в германских диалектах, и оба имеют некоторые психологические коннотации. В составном готском глаголе *us-anan*, «выдыхать; испускать дух», это «духовное» значение едва угадывается. Дважды зафиксирована форма прошедшего времени *izon* (Марка 15:37, 39), описывающая «испускание духа» Иисуса. Ввиду этого контекста кажется возможным предположить, что **an-* имел изначально более «духовный» смысл. Неясные психические свойства *us-anan* более проявлены в древнескандинавском, где мы обнаруживаем корень *ond*, чередующийся с *andi*, оба очевидно восходят к праиндоевропейскому **ant-* через протогерманское **and-*, «живительное дыхание». Позднейшее употребление в христианском контексте вводит семантику латинского *spiritus*²², однако дохристианский контекст показывает более динамичные свойства

²² В древненорвежском форма *andi*, позднее ограниченная значением «дыхания», под христианским влиянием приобрела также значения латинских *spiritus* и *animus* (греческого *πνευμα*), в то время как *ond*, кажется, сохраняет дохристианское психическое содержание, хотя тоже включается в евангельский психологический словарь для перевода латинского *anima*, и различия часто стираются (ср. Cleasby-Vigfusson «An Icelandic-English Dictionary», 20; 764).

andi/ond, по-видимому, воспринимавшемся в качестве живительной силы²³. Наиболее яркий языческий контекст предоставляют «Прорицание вёльвы» и «Видение Гюльви», где эти термины обозначают дар Одина (первенца Борра) в процессе формирования первобытных мужчины и женщины, Аска и Эмблы. Кажется наиболее разумным заключить, что по крайней мере в северногерманских диалектах **and-* изначально отмечал динамичную живительную, поддерживающую жизнь силу (дарованную богами?), содержащуюся в дыхании, но не разделял околопсихические свойства латинско-христианского *spiritus*²⁴.

**ēpma-*

Праиндоевропейское **ētmen-*, «дыхание, пар», от которого происходит прагерманское **ēpma-*, «дыхание, дух»; санскритское *ātman*, «дыхание, душа»; греческое *ατμός*, «пар». Возможно, образовано от праиндоевропейского составного слова **et-men-*, корень которого, вероятно, означает «дыхание» (ср. с древнеиранским *atnach* [происходящим от **ēt-āko-*], «дыхание, душа?»), а суффикс **-mēn-* тогда должен указывать на исполняющееся действие, выраженное корнем²⁵.

Два праиндоевропейских корня **an(ə)-/*ant-* и **ētmen-* видимо, семантически идентичны, но весьма различны фонологически. В индийском они развились параллельно; при этом психологическое значение при-

²³ Polomé «Some Comments on Voluspá, Stanzas 17–18», 268, а также десять примеров в Старшей Эдде, девять из которых относятся к потере жизненной силы.

²⁴ «Одухотворение» латинского *spiritus* и греческого *πνεύμα* под влиянием еврейского *ruah* описано Betz 1959, 143.

²⁵ Perrot в «Les Dérivés Latins en –men et –mentum», 237 и далее обсуждает семантическое наполнение суффикса **-men* в италийских языках.

обрел только **ētmen-*. Схожий процесс наблюдается и в германских диалектах, хотя и мозаично: **ēþma-* отсутствует в северогерманских и восточногерманских, а вот в южногерманских очевидны любопытные свидетельства его присутствия: древнеанглийское *ædm*, «дыхание, пар»; древнесаксонское *ādom*, «дыхание»; древнефризское *ēthma*, «дыхание» а древневерхненемецкий сохранил этот корень только в баварском, алеманском и восточнофранкском в виде *ātum*, «дыхание, дух». Это, возможно, синонимичное заимствование латинского *spiritus* (Braune «Althochdeutsch und Angelsächsisch», 404 и далее), но нельзя исключать и вероятности того, что *ātum* представляет некоторый аспект дохристианского психофизического комплекса. Поразительное фонетическое и семантическое соответствие древневерхненемецкого *ātum* санскритскому *ātman*, а также развитие в представление о душе в очевидно языческом контексте семантически и функционально тождественного древнескандинавского *ond* позволяют предположить, что в определенных южногерманских диалектах **āþma-* до введения христианства уже был культовым термином, означающим «движущую жизненную силу (даруемую богами)».

**gaist-*

Праиндоевропейское **gheis-* и образованное от него **gheiz-d-*, «чувствовать злость; изумление; испуг». Санскритское *hēdah*, «злоба»; авестийское *zaēša*, «ужасающий».

Во многих отношениях история развития **gaist-* подобна истории **ēþma-*. Его явно психологическая функция ограничена южногерманскими диалектами, где мы видим древнеанглийское *gāst*, древнесаксонское *gēst*, древнефризское *iēst-gāst*, и древневерхненемецкое

geist, все со значением «дух» в христианском контексте. Определенные христианские смысловые качества, вероятно, опять-таки являются результатом внедрения в Англии латинского *spiritus*, после распространенного на континенте миссионерами. Это замещение было не синонимическим, но приблизительным, поскольку изначально **gaist-* не имел ничего общего с понятием «дыхания»²⁶. Малое количество дохристианских примеров употребления остается проблемой, но, вероятно, важен тот факт, что в христианском словаре **gaist-*, как кажется, изначально был распространен наряду с **ēpma-* (Braune «Althochdeutsch und Angelsächsisch», 404 и далее). Другие германские примеры помогают выявить более архаичную природу термина. В древнеанглийском мы находим глагол *gæstan*, «пугать»²⁷, а в готском *us-gaisjan*, «пугать» и *us-gaisnan*, «пугаться», а также в древнескандинавском имеется *geisa* «испытывать ярость». Возможно, самым значимым является готское причастие прошедшего времени *usgeisips*, используемое для перевода греческого *εξεσθη* (Марка 3:21). Потому кажется логичным, что **gaist-* первоначально означало «выплеск эмоциональной силы»²⁸. Такое значение подчеркивается конструкциями, явно помещающими термин в область психологии эмоций. Та же идея лежит в основе религиозных и культовых установлений, широко засвидетельствованная в германских культурах и языках (ср. например **wōđ-* и **mōđ-*). В языческом словаре это слово, должно быть, принадлежало к религиозной,

²⁶ «Одухотворение» латинского *spiritus* и греческого *πνευμα* под влиянием еврейского *ruah* описано Betz 1959, 143.

²⁷ Ср. также современные английские «aghast» и «ghastly».

²⁸ «Эмоциональность» как противопоставление познанию или рациональности — физиологическая реакция или психическое проявление, не имеющее идейного содержания.

«шаманской» терминологии, и означало внутренние (эмоциональные) порывы экстатического возбуждения.

**hērt-*

Праиндоевропейское **kē̥r-d-*, «прыгун, скакун», развившееся в «центр, сердце» (повсеместно известно в индоевропейском, см. Szemerényi «Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft», 110; 157–158), к которому восходит прагерманское **hērt-(ōn)-*, «сердце, середина».

Этот прагерманский корень приобрел психологическое значение посредством христианского перевода латинского *cor*, и никак не может считаться частью архаичной германской терминологии души. Однако, **hērt-ōn-* вполне уже могло восприниматься как обиталище определенной психической деятельности, поскольку вероятно содержало эмоциональные коннотации. Это подразумевается производными: в хеттском *kartim-*, «злость»; старославянском *сръдѣти ся*, «злиться»; литовском *širdytis*, «злиться»; армянском *srtnim*, «я стал злым» (см. Szemerényi «The Indo-European name of the “Heart”», 515 и далее). В древнесаксонском тексте «Гелианд» (примерно 830 год) слово *herta* ограничено более физиологическим значением, но уже Отфрид Вайсенбургский (примерно в 860 году) употребляет *herza* для перевода латинского *cor* во всех значениях (Becker «Geist und Seele im Altsächsischen Sprachen», 166–167).

**hug-*

Этимология неопределенна, возможно, от праиндоевропейского *keuk-*, «сиять»; от санскритских *śōka*, «сияние, пламя», *śōkati* «сиять, быть ярким». Другие авторы пытались связать его с литовским

kaïkas «гном; дух младенца, умершего некрещеным» (Mikkola «Baltische Etymologien», 541) и греческим κικῶω, «дразнить, раздражать» и позднее «возбуждать» (Uhlenbeck «Etymologisches: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 22: 536–42).

Присутствие этого корня подтверждено во всех германских диалектах в качестве существительного: готское *hugs*, «ум», (так Ульфилла переводит греческое *νοῦς*); древневерхненемецкое *hugi*, «дух, ум, чувства»²⁹; древнесаксонское *hugi*, «дух, ум, сердце»; древнеанглийское *hige*, «ум, сердце, душа»; древнефризское *hei*, «ум»; древнескандинавское *hugr*, «ум; настроение, сердце; желание; дурное предзнаменование; храбрость». Существительные и глагольные производные слишком многочисленны, чтобы воспроизводить их здесь, но общий обзор, кажется, указывает на фундаментальную функцию познания. **Hug*– наилучшим образом сохраненный германский термин, обозначающий абстрактное вместилище разнообразных психических проявлений. Никакое другое слово не имеет столь широкого распространения и столь сильной привязки к области психологии, и кажется весьма правдоподобным предположение о том, что **hug*– представляет собой выражение чрезвычайно архаичного представления о душе. Однако серьезной проблемой остается невозможность проследить этимологию за пределами германских диалектов. Потому нам придется обратиться к компаративному изучению архаичных германских контекстов. Обзор составных и глагольных конст-

²⁹ Зафиксировано в рейнскофранкском (15 раз употреблено Отфридом), и три раза в баварском и южнофранкском.

рукций подкрепляет такого вывод: семантика **hug-* имеет синтетическую, хотя и ограниченную функцию в сфере познания, особенно в областях размышления и проявления воли. Этот термин мог означать неопределенное качество, образуемое суммой некоторых интеллектуальных проявлений (возможно, в общегерманский период). Происхождение от праиндоевропейского **keuk-* кажется наиболее осмысленным, поскольку «сияние, яркость» само по себе неоднозначное качество, а в германской среде оно часто употребляется для обозначения (божественного) разума и власти, или других нуменальных качеств³⁰.

**minþ-/*-mund-*

Праиндоевропейское **men-*, «думать, размышлять» в двух корнях с суффиксом **-ti-*, отмечающим объективное завершение процесса (Benveniste «Nom d'agent et noms d'action en indo-européen», 93; Bahder «Die Verbalabstrakta in den germanischen Sprachen», 62): с нулевой ступенью аблаута **mn-ti-*, от которого происходит прагерманское **(ga-)mund-*, и полной ступенью аблаута **men-ti-*, от которого происходит прагерманское **minþ-(ja)*. Родственны им латинские

³⁰ Это подтверждается «сиянием» и «остротой» глаз различных героев, например Сигурда в «Саге о Вёльсунгах», гл. 13; Хельги в «Песни о Хельги убийце Хундинга», 6; Ярла в «Песни о Риге», 34; Тора в «Песни о Трюме», 27. Тацит в гл. 4 «Германии» также называет *acies oculorum* как черту германских воинов. К этому следует добавить этимологию древнескандинавского *álfr*, «эльф», восходящего к **albh-*, «сиять, быть белым» (de Vries «Altgermanische Religionsgeschichte», 5–6), и возможно связанного с санскритским *rbhu*, «умелый, художник, ремесленник (иных миров)», см. Kuhn «Abhandlungen: Die Sprachvergleichung und die Urgeschichte der indogermanischen Völker», 110. Концепция *rbhu* в ведической мифологии связывает идеи «сияния» и «умелости», и указывает на божественные бессмертные атрибуты, достигаемые этим «умением», см. MacDonell «Vedic Mythology», 131–34.

mēns, mentis, «ум»; санскритское *mayti-*, «мысль»; старославянское *памятие*, «воспоминание»; литовское *atmintis*, «память» — каждая из этих форм имеет нулевую ступень аблаута.

Это сильный индоевропейский корень, принимающий на себя многие значения **hug-* в германских диалектах, но **minþ-/*-mund-* имеет более ограниченный смысл «памяти», с архаичным добавочным значением «доброй памяти» (о предках, богах и так далее), ср. древневерхненемецкое *minni/minna*, «любовь»; древнесаксонское *minna*, «любовь»; древнефризское *minne*, «любовь»; но древнескандинавское *minni*, «память, памятник»; древнеанглийское *gemund* (развитое из корня с выпавшей гласной), «память, воспоминание»; готское *gaminþi~gamunds*, «память, воспоминание» (его Ульфилы использует для перевода *μνεία, μνημοσύνη, ανάμνησις*).

**mōð-*

Праиндоевропейское **mē-*, «иметь неистовую сильную волю», от которого происходит прагерманское **mō-ð-*. Латинское *mōs*, «обычай»; старославянское *соумя*, «сметь» могут быть родственными, но этимологию сложно отследить за пределами германских диалектов.

В северо- и восточногерманских диалектах этот корень не стал выражать представлений о душе, хотя здесь сохранились важные намеки на его базовое значение: древнескандинавское *móðr*, «возбуждение, злость» и готское *mōþs*, «злость» (так Ульфилы переводит *θυμός* и *οργή*). Очевидно, эти слова не выражают представлений о строении души, но их значение всё же принадлежит области психологии: эмоциям и проявлению воли; кроме того, они вероятно указыва-

ют на первоначальный смысл слова. В южногерманских диалектах корень приобрел широчайший душевный смысл: древневерхненемецкое *muot* «душа, дух; ум; настроение, сердце; возбуждение; желание; храбрость»; древнеанглийское *mōd*, «дух, душа; храбрость; высокомерие; мудрость; насилие»; древнесаксонское *mōd*, «душа; сердце; воля»; древнефризское *mōd*, «храбрость; ум; воля». Развитие значения в южногерманских диалектах подтверждает базовую семантику эмоциональности/проявления воли. Наиболее примечательно древневерхненемецкое *muot*, предположительно имеющее значение вместилища цельного «внутреннего человека» (Becker «Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen», 156), и выступающее как синтетическое представление об отдельных проявлениях психики (в различных текстах употребляется для перевода латинских *cor, spiritus, voluntas, anima, animus, mens*). Как кажется, изначально оно принадлежало к той же области значений, что и **gaist-* и *wōð-*, но его более сложный смысл включал в себя проявление воли.

**saiwalō-*

Вне германских языков корень неизвестен, а в пределах германских его употребление настолько ограничено, что этимология остается спорной³¹.

³¹ Weisweiler в «Seele und See: Ein etymologischer Versuch», 25 и далее предлагает связать термин с прагерманским **saiwa-z*, «море», поскольку **saiwa-lo*, «пришедший из моря» (то есть «душа», как сущность, зарождающаяся в воде и возвращающаяся туда после смерти) — что не вполне убедительно; предложенная Eggers в «Altgermanische Seelenvorstellungen im Lichte des Heliand», 21 связь **saiwalō* с концепцией «тени» тоже остается спорной.

Зафиксирован во всех германских диалектах: древневерхненемецкие *sēula sēola sēla*; древнеанглийское *sāw(e)l*; древнесаксонское *sēola*, древнефризское *sēle*; готское *saiwala* (так Ульфила переводит *ψυχή*); древненорвежское *sál(a)* — все со значением «душа, жизнь». В северогерманские диалекты этот корень был привнесен миссионерами в относительно позднее время и появляется здесь только в христианском контексте (Cleasby–Vigfusson «An Icelandic–English Dictionary», 516–517). Таким образом, **saiwalō* присущ только южно– и восточногерманским диалектам. Более того, он по–видимому, является именно христианским термином. В «Беовульфе» он встречается нечасто (6 существительных) — все кроме одного (2422), несомненно христианские по содержанию; все употреблены поэтом и относятся к пограничным ситуациям жизни и смерти³². Высказывались предположения, что **saiwalō* изначально обозначал жизнь, и был функционально схож с **līf*– и **ferh*– (Eggers «Altgermanische Seelenvorstellungen im Lichte des Heliand», 17 и далее). Хотя это кажется слишком смелым предположением при нехватке подтверждений, возможно, его первоначальным значением был некоторый жизненный процесс, относящийся ко второму типу души, то есть способному существовать после физической смерти. Ульфила часто описывает пограничные ситуации жизни и смерти и выживание *saiwala/ψυχή* (например, Матфея 2:20; 10:28, 29; Марка 3:4; 8:35–37; Луки 2:35). В древневерхненемецком *sēula* часто используется для перевода латинского *anima*, но только в «трансценденталь-

³² Также ср. составные части *sāwuldīor* «кровь жизни» и *sāwollēas* «безжизненный». Христианские вкрапления в «Беовульфе» рассмотрены Klaeber в «Die christliche Element im Beowulf».

ном» смысле. Когда *anima* означает просто «(земную) жизнь», чаще употребляются *ferah* или *lib* (Becker «Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen», 167 и далее).

**saf-* и образованный от него **sef-*

Праиндоевропейское **sap-*, «чувствовать вкус; ощущать» и образованное от него прагерманское **saf-* в существительных и глагольных конструкциях (с перегласовкой). Употребление первоначального германского **sāf-* ограничено глаголами прошедшего времени, древневерхненемецким *suob* и нидерландским *besoef* — «распробовал, ощутил». Родственными могут быть латинское *sapio*, «чувствовать вкус; разглядывать; различать»; армянское *ham*, «вкус»; древнеирландское *sāir*, «опытный, умный». Однако вопрос этимологии непрост.

В качестве обозначения представления о душе мы находим этот корень только в древнесаксонском тексте «Гелианд» *sefo*, «сердце, ум»; древнеанглийском *sefa*, «понимание, ум; душа»; древнескандинавском *sefi*, «ум, привязанность». Наиболее архаичное значение сохраняет ряд глаголов, например древневерхненемецкий *intseffen*, «воспринимать, замечать»; древнесаксонский *afsebbian*, «воспринимать»; древнескандинавский *sefa*, «успокоить, утешить; умерить (злобу и подобное)». Термины, общие для северогерманских и ингевонских диалектов явно указывают на разумный, воспринимающий аспект психического комплекса³³.

³³ Термин *sefa* встречается в «Беовульфе» 14 раз, часто в неясных отрывках; всё же, он явно принадлежит к категории мышления, часто совмещаемый с такими прилагательными, как *geomor* (3 раза), *hreoþ* (1) и *grim* (2), и глаголами *grootan* (1) и *sweorcan* (1). Только один раз он ука-

**sinp-*

Праиндоевропейское **sent-*, «взять направление, идти» и образованное от него существительное **sento-*, «ходьба, прогулка; путь». Отсюда развивается интеллектуальное значение «восприятия» в латинских *sentio, sensus*.

Корень появляется во всех германских диалектах, но только в древневерхненемецком (баварском, алеманском и южнофранкском) *sin* «ум, понимание, рассудок, мысль, смысл» и древнефризском *sin* «ум, смысл, понимание» получает развитие в качестве психологического термина под прямым влиянием латинского *sensus*. Более старое значение сохраняется также в готском *sinþs*, древнеанглийском *sīð*, древнесаксонском *sīð*, древнескандинавском *sinn~sinni* и древневерхненемецком *sind* — все имеют общее значение «прогулки, путешествия, пути» и подобного.

**þank-*

Праиндоевропейское **tong-*, «думать, чувствовать» и произошедшее от него прагерманское **þank-*. Латинское *tongere*, «знать»; оскское *tanginūd*, «способ мышления».

В германских развились формы, образованные, в том числе, с помощью суффиксов, ср. **þank-*, к которому восходит древневерхненемецкое *gedank*, «мысль»; древнеанглийское *ðank*, «мысль, чувство»; древнесаксонское *thank*, древнескандинавское *þokk*, готское *þank* — выражение благодарности; а также образованное от **(ga-)þanh-ti-* через **(ga-)þāhti-* древнесаксонское *githāht* «мысль»; древнеанглий-

зывает на волевое действие во фразе *þin sefa hwette* (490), см. Becker «Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen», 161–162.

ское *geþeahht*, «мысль» и готское *andapāhts*, «воздержанный, разумный». Хотя мы видим широкое употребление этого корня в сфере психологии и его повсеместную принадлежность к познанию, он видимо, всё же приобрел подлинно психологическое значение в поздний период под влиянием латинского *cogito* и *cogitatus* в древневерхненемецком, древнеанглийском и древнесаксонском. Как и другие корни этого типа, **þank-* вторгается в семантическое поле **hug-*, и в некоторой степени замещает его (Becker «Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen», 164–65).

**wil-*

Праиндоевропейское **uel-*, «желать, велеть» и восходящие к нему прагерманское **wil(-l-)jan~*wil-jōn*; санскритское *váras*, «выбор, желание»; латинское *volo*, «велеть, желать», *voluptās*, «наслаждение»; литовское *viltis*, «надежда»; старославянское *велети*, «приказывать»; греческое ελδομα, «жаждать, страстно желать (чего-либо)».

Это слово также обрело психологическое значение после христианизации, хотя его широкое распространение и богатое содержание указывают на его важность в более архаичные времена. Он обнаруживается во всех германских диалектах: готское *wilja*, древневерхненемецкое *willio~willo*, древнеанглийское *willa*, древнефризское *willa*, древнесаксонское *willio*, древнескандинавское *vili* — все со значением «воля, страсть, желание» и подобными, но с заметно выраженными оттенками удовольствия, деятельности и результатов поступков. Наверняка это слово выражало некоторое «священное» представление древних германских народов, что подтверждает

древнескандинавская божественная троица *Óðinn*, *Vili*, *Vé* (первоначально аллитеративная формула **Wōðanaz*, **Wiljan*, **Wihaz*), употребляемая, по крайней мере, с 600 года нашей эры.

**wōð-*

Праиндоевропейское **uāt-*, «быть во вдохновенном состоянии души» и восходящее к нему прагерманское **wōð-*. Латинское *vātēs*, «провидец; вдохновенный песнопевец»; древнеирландское *fáith*, «провидец, пророк»; средневаллийское *gwawd*, «песня, поэзия».

В германских языках этот корень также имеет священное значение (ср. имя божества **Wōð-an-az*, «повелитель вдохновенной умственной деятельности», к которому восходят древнескандинавское *Óðinn*, древнеанглийское *Wōdan*, древневерхненемецкое *Wuotan*, древненижненемецкое *Wōdan*, но в качестве психического термина проявляется только в древнескандинавском *óðr*, «(вместилище?) вдохновенной нуменальной деятельности»). Его часто неверно толкуют как термин ума, рассудка, понимания и прочего, но это едва ли верно, по крайней мере, для изначального значения³⁴. Формы прилагательных в других германских диалектах показывают менее религиозный контекст: готское *wōþs*, «злой, одержимый» (Марка 5:15, 18); древнеанглийское *wōd*, «безумный, неистовый, яростный» (ср. также существительное *wōd*, «безумие»); древневерхненемецкое *wuotig*, «яростный, безумный, неистовый». Изначально **wōð-* должно было принад-

³⁴ Эта ошибка отмечена Polomé в «Some Comments on Voluspá, Stanzas 17–18», 269, а Rydberg в «Undersökningar i germanisk mytologi» 551–552 отмечает, что ее нередко допускали в прошлом. Также ср. древнескандинавское *óðr* и развитие из него (через перегласовку) *æði* «ярость, бешенство».

лежать к тому же семантическому полю, что и **gaist-* и **mōð-*, и означало интенсивное, экстатическое эмоциональное состояние.

Таблица 1

	готский	древне-осацимский	древнеаварийно-венедский	древнеанглийский	древнесаксонский	древнефризский	
							*hug-
							*sinþ-
							*minþ-/ *mund*-
							*þank-
							*ah-
							*wil-
							*sef-
							*ēþma-
							*an-/ *and-
							*gaist-
							*mōð-
							*wōð-
							*saiwalō-

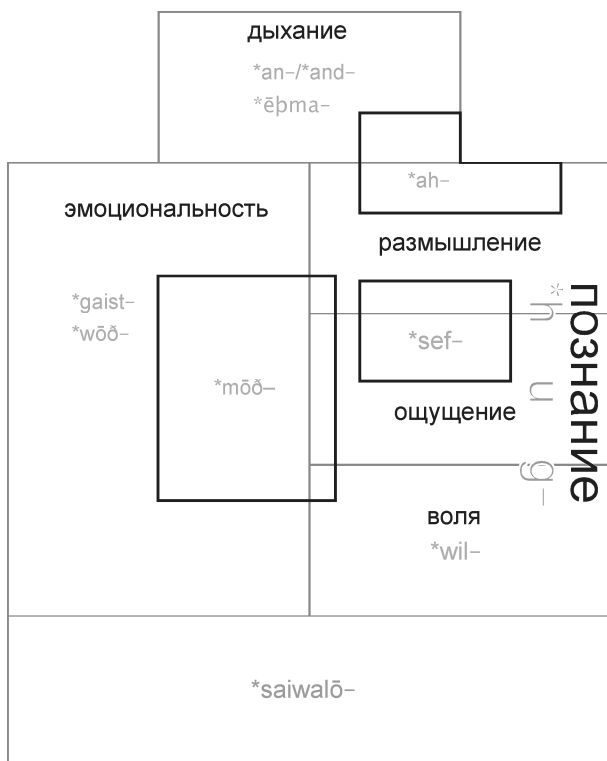
	выражает концепции души
	зафиксировано в качестве прилагательного и/или существительного в психической сфере
	зафиксировано в качестве глагола в психической сфере
	зафиксировано в качестве глагола и/или существительного в психической сфере
	зафиксировано вне психической сферы
	не зафиксировано

Таблица 2

III. Структуры

Анализ прагерманской психологической лексики на самом архаичном уровне раскрывает четко очерченную функциональную структуру. Термины, образовавшиеся либо переистолкованные в позднее время (**sinþ-* и **hērt-*) должны быть исключены из рассмотрения, а мы приступим к оставшимся единицам в их наиболее древних значениях.

Из разбора вышеописанных прагерманских корневых форм возникает определенная классифи-

кация, главным критерием которой должно оставаться явно первичное функциональное значение термина, а вторичные диалектные определения послужат нам контекстом. Мы видим присутствие представлений о дыхании (**and-*/**ēþma-*), эмоциональном аспекте (**gaist-*; **wōð-*; **mōð-*), каждый из которых отмечает некоторый тип исторжения внутренней экстаической силы, а также многосложный аспект познания, включающий мыслительный (**minþ-*/**mund**-; **ah-*; **þank-*), воспринимающий (**sef-*) и волевой (**wil-*) отделы. Более того, весь аспект познания представлен «синтетическим» представлением, **hug-* (и в некоторых диалектах также **mōð-*), с крайне отдаленного времени действующим какместилище различных проявлений познания. Его сложная этимология и очевидно нейтральное происхождение подкрепляет такое толкование, как и факт его последующего замещения в южногерманских диалектах позднейшими аналитическими терминами. **Saiwalō-* продолжает представлять проблему — как кажется, корень изначально не принадлежал к сфере психологических терминов, но скорее к более специализированной лексике смерти, вероятно, включающей некоторые табу (Eggers «Altgermanische Seelenvorstellungen im Lichte des Heliand», 21; Becker «Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen», 169). Лучше всего его значение прослеживается в связи с древнескандинавским *draugr*, «призрак, дух (умершего)», как посмертно деятельной сущности, или «тени»³⁵.

³⁵ Этимологию см. в Eggers «Altgermanische Seelenvorstellungen im Lichte des Heliand», 21.

Ради сохранения цельности контекста в приведенное ниже структурное распределение значений включены также аспекты, явно выпадающие за пределы психологической области — поскольку в рассмотрении архаического германского психологического комплекса любое вычленение обособленных категорий будет неверным. Итак, функциональная структура такова:

- 1) Тело
- 2) Жизнь
- 3) Дыхание
- 4) Эмоциональная сила
- 5) Комплекс познания: а) синтетическое представление, б) мыслительный аспект, в) воспринимающий аспект, г) волевой аспект
- 6) Тень
- 7) Магические представления и сущности

Таблица 1 подтверждает такую структуру, показывая характер распределения значений корней в германских диалектах. Отметим для примера распределение в области эмоций, где **wōð-* и **gaist-* имеют взаимодополняющее распространение в северо- и южногерманских диалектах. Благодаря вторичным смещениям значений, такие термины как **mōð-* могли приобрести целый набор свойств познания, а рассудочный термин **ah-* был «одухотворен» (ср. готское *ahma*). Это может указывать на глубинные оттенки архаичных корней, отраженные в их вторичных функциях. Такие предположения помогут сформировать концептуальную модель, изображенную в таблице 2, где мы видим явные взаимодействия на вторичных уровнях. Любые заключи-

тельные выводы всё равно останутся призрачными — по самой природе исследуемого материала.

IV. Резюме

Предоставленные здесь результаты исследований позволяют предположить существование определенной функциональной структуры, составляющей фундамент богатого германского словаря описания свойств души, и структура эта, в своей четко «психологической» области разделяется на три основные категории: 1) представление о дыхании, 2) эмоциональную силу и 3) вместилище познания и его функции. Отсюда следуют два наблюдения: представление о дыхании не настолько важное, как можно было предположить³⁶; эмоциональная сила является действительным господствующим фактором в организации психического мира древнегерманских народов.

³⁶ Свидетельство важности магической, единической функции концепции дыхания обнаруживает ряд брактеатов эпохи переселения, изображающих фигуру (бога Одина или Бальдра?), выпускающую поток воздуха изо рта. См. Nauck «Gold aus Sievern», 340 и далее повсеместно.

Лучшие книги издательства "Ex Nord Lux", а также многие редкие книги теперь доступны в электронном виде!

Преимущества:

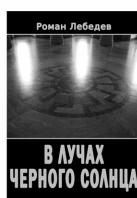
- Нужную книгу легко получить в любой момент в течение 5 минут
- Моментальная оплата и доставка
- Постоянное обновление каталога
- Удобство чтения электронных книг на мобильных устройствах

Жанры:

- Эзотерика
- Мифология
- История
- Философия
- Политика
- Мемуары

Форматы:

- PDF
- FB2
- RTF
- TXT
- ePub

© Электронное издательство "Ex Nord Lux DIGITAL"
<http://nordlux-digi.org>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.
Факс 53-44-22, e-mail: tpts@list.ru